

МАРК ГРЕСЬ

МОЯ ЛЮБОВЬ

 FOLIO

Марк Гресь

Моя любовь

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34752766

Моя любовь: Фолио; Харьков; 2018

ISBN 978-966-03-8121-6

Аннотация

«Моя любовь» – роман о любви и революции. Так сложилось, что 1 декабря 2013 года автор волей случая очутился на улице Банковой. Там он оказался в компании тех, кого вы сегодня знаете как народных депутатов Олега Ляшко, Андрея Лозового, Игоря Мосийчука и многих других. Все, что происходило с ним и страной в те памятные дни на Майдане, описано в этой книге. Ну а чтобы воспоминания не превратились в календарь памятных дат – пришлось придумать историю рождения любви и, увы, не «шекспировскую» трагедию ее угасания.

Содержание

Предисловие	5
День первый	9
День второй	48
День третий	89
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Марк Гресь

Моя любовь

© М. Гресь, 2018

© В. Н. Карасик, художественное оформление, 2018

* * *

Хомяк живет три года, и любовь живет три года. Хочешь узнать, когда умрет любовь, – купи хомяка.

*Из книги «Наставления августейшему наследнику»
короля Пхумипона Адульядета Рамы-9*

Предисловие

Когда-то, много-много лет назад, одному маленькому мальчику удалось выклянчить у папы с мамой хомячка. Божась самыми страшными клятвами, дитя обязалось хорошо учиться, слушаться, чистить зубы, делать зарядку, а заодно кормить животное, чистить клетку и осуществлять дрессуру. Увы... Зароки оказались благополучно похереными.

Клясться – грешно. За каждый грех – да воздастся! Младенческое словоотступничество в будущем аукнется герою беспокойной и неупорядоченной жизнью (и по смерти быть ему проглоченным Левиафаном).

Хомяк Борька также коротал свой век черт-те как. И некормленным бывал, и непоеным, и спал в кизяках. Оттого рос вонючим, кусючим, склонным к побегу.

Прошло три года. Уж не знаю, Борис, молод ты или стар? Сладко тебе живется иль худо? Жрешь себе и жрешь, спишь себе и спишь, гадишь – и гадишь. Только вот одним прекрасным утром – бряк!!!

Солнечный лучик играет на стеклянных стенках трехлитровой банки из-под томатного сока, на ворохе сена сохнет кашка, Борис лежит на боку, задрав одну лапу вверх, в глазах – отсутствие интереса к жизни, а по замутневшей роговице ползает какая-то мошка.

В отличие от хомяка, любовь умирает показно, картинно,

чихая и кашляя, теряя зубы и волосы, с поочередным отказом жизнотворящих органов.

Хозяину Борьки доводилось любить: горячо, выпренно, ревниво, с мазохистической мечтой о холодном лезвии бритвы. Но пролетали год, другой, и влюбленный начинал примечать, что у божества ноги недобриты, дыхание не пьется полной чашей, не так мила ее болтовня, и у чужой бабы сиськи посвежее. А к исходу третьего года – высокого чувства как не бывало. И в первый раз так было, и во второй, и в третий... Тысячу раз прав благородный Пхумипон Адульядет Рама-9.

Дожив до сорока шести годков, бывший мальчик решил написать роман... о революции. О стремительных атаках и позорном бегстве, о дымящейся крови и парящих чанах с майдановским борщом, о титушках и волонтерах, о заунывном пении гимна и буйстве радости от моря огня. Об известнейших политиках: Олеге Ляшко и Петре Порошенко, об Игоре Мосийчуке и Владимире Кличко, об Андрюхе Лозовом и Арсении Яценюке. О знаменитых мерзавцах и безымянных героях, чьи лица скрывали черные балаклавы революции. Но когда слова начали складываться в предложения – стало ясно, что рано или поздно повествование упрется в перечень всем известных дат, в череду проверенных и непроверенных фактов. Одними мемуарами больше – одними меньше. Чтобы копание в воспоминаниях не казалось таким скучным, пришлось придумать любовь.

Тайский король говорил, что любовь живет три года, и хо-

мяк живет три года. По закону жанра любовь не может пережить революцию. А то пошленько как-то выйдет. (Ну, не умерла бы Инесса Арманд от холеры и пролюбилась с Лениным до старческого слабоумия – мещанство.) Продлись революция тысячу девяносто пять дней – по problem, все б сошлось... Три года вселенских потрясений и три года любви. Но... наша революция родилась с генетическим дефектом прогерии – преждевременного старения. (Новорожденное дитя розовощеко, сиську сосет – аж за ушами трещит. Только вот щелкнет пальцами Демиург, и хищный младенец начинает стремительно превращаться в пошлого, безвольного, травоядного дедульку.)

В книгах судеб украинскому бунту от рождения до старческого бессилия был отведен всего лишь год. Год робингудства и мародерства, великодушия и малодушия, пустых жизней и славных смертей. Чтобы уравнять по сроку революцию и придуманную любовь, автору пришлось по-журнически щелкнуть пальцами. Так что хомячку моей любви придется прожить жизнь яркую, радостную, словообильную, но... скоротечную, как чахотка...

Да... Неплохо бы разукрасить повествование. Как-то разбавить запах гари, слезоточивого газа, проссанных подъездов, портяночного духа и крови. Для этого хитрый автор и нанизал известную всем цепь событий на выдуманную поездку в Таиланд. (Хотя это путешествие – не совсем выдуманное. Оно действительно случилось когда-то, очень давно,

с другой невыдуманной девушкой, но при совсем иных обстоятельствах – легко, курортно, весело, без намека на над-рыв.) Все остальное – люди, события и хронология изложе-ны настолько честно, насколько честной может быть мать-история. Удалось ли сплести несплетаемое – судите сами.

День первый

Дверь самолета со сладким стоном раскрылась, и в салон ворвался густой влажный воздух. Вдыхаешь, и будто пьешь вязкий кисель из водицы, пота, запаха чемоданной кожи и чего-то цветочно-приторного. Здравствуй, Таиланд, незнакомая страна, куда мы сбежали на десять дней от хмурого киевского неба, слякоти, искалеченных елок, воя сирен, паленых покрышек и очень значимых людей в камуфляже.

В шипах моих кроссовок, шлепающих по свежевывытым плитам аэропорта Суварнабхуми, еще прячутся комки родной украинской грязи, а в волосах той, что со мной, поблескивает полоска привезенного с родины новогоднего дождика. *Руки бы пообрывал тем, кто решил поднять измученным пассажирам Борисполя настроение пляшущими девами в сверкающих стразами трусах. Ну, почему бегущий из мрачного Киева человек должен испытывать восторг от сыплющегося на голову конфетти и фольгированных кизяков?*

Все!!! Довольно!!! Девять с половиной часов назад я еще был активным членом общества, а теперь – просто фаранг, полутело-полуматрац, бездумное существо, которое можно и должно обманывать. Но от этой nirваны туриста отделяет еще пару часов терзаний в очередях паспортного контроля, визового окошка и таможни. (Всего пара часов, стоящих па-

ру полновесных лет жизни.)

Полсутки – без единой затяжки. Это почти фатально для насквозь прокопченного организма. Явись в сей момент Блаженный Августин, смиренный Махатма Ганди или сам граф Толстой – горемыка пойдет ныть не о «непротивлении злу», а о жгучей ненависти к всесильному некурящему меньшинству.

Обычно в мечтаниях о крупной и даже мелкой мести я холодно последователен и изощренно жесток, но теперь фантазия бесхитростно сует в руки неандертальскую дубину с уродливыми шишаками, и крушит та дубина каленое стекло витрин, бамбуковые кадки и гипсовые мордахи крашенных золотом сиамских истуканов.

Чертов аэропорт Бангкока!!! Километры эскалаторов, сотни магазинов, десятки тысяч курящих людей – и ни одной зоны для курящих... Даже в крошечном Борисполе есть одна застекленная комнатка с рядами пепельниц. (Только бы не закрыли.) В полутора часах лета от Киева (скажем, в городе Москве) таких комнат нет. Но, как говорил великий Салтыков-Щедрин: «Изуверство российских законов компенсируется возможностью их невыполнения». На дверцах московских туалетов начертано: «Курить запрещено, штраф – 500 рублей». Угроза штрафа дарит возможность выбора: смело кури либо оставайся «тварью дрожащей».

Ведь сидит же в нас эта «тварь дрожащая» со святого младенчества. И хочется разрисовать соплями новые обои,

а тварь шепчет: «Сморкайся в тряпочку, сопли не для рисования, воспитательница увидит – в угол поставит». Ну и чего же страшного в этом углу? Сочленение стен, и только... А тварь шипит: «Стыдно там стоять, все смеяться будут и пальцем показывать». И ведь пасует младенец перед тварью, украдкой втягивает сопли в пищевод, убивая в себе Боттичелли, Энди Уорхола и Че Гевару.

В школе – то же самое. Прыгнет тварь из пенала под воротничок белой рубашки, прокусит затылочную кость и пойдет сосать из мозжечка сироп отваги с медом противоречия. И в институте не помилует, и на работе, и в гостях, и в ЗАГСе, и на смертном одре.

Три часа ожидания в Москве я гнал от себя «тварь дрожащую». Смело чадил в туалетной кабинке ибо знал верхнюю рамку наказания – 500 рублей. Написали бы: «Тысяча» – все равно курил бы, и десять тысяч – не напугают. Однако в тайских сортирах накарябано «No smoking». Подлее не придумаешь.

Чем грозит циничное попрание закона? Расшифруйте, сямские божки, сделайте милость. Но... молчат зверомордые апсары, и это страшнее страшного. Что ждет жителя страны борща и пампушек, если тот решится нырнуть в белоснежную клетушку с журчащим унитазом, запрется, скукожится, щелкнет зажигалкой и... Что??? Явится седовласый старец с нимбом над головой и погрозит строптивцу тонким пахнущим ладаном пальцем? А может, в кабину ворвутся трое

здоровенных тайцев, скрутят раком и отхлещут по пяткам ротанговой палкой?

Радуйся, торжествуй, подлая тварь! Я два часа не смел нарушить запрета. (Пугливый фаранг изменил себе, а значит, способен в лихую годину предать страну, убеждения и народ.)

И вот наконец стеклянные двери аэропорта распахиваются. Затравленный гость не видит трехэтажных хайвеев, его не дивят ни поблескивающие вдали купола пагод, ни огромный портрет короля Пхумипона Адульядета Рамы-9, ни цепочка живописных прудиков со снующими по водной глади легкими рыбацкими лодчонками. Его Грааль – самая заплеванная в мире урна, обсаженная в кружок суетливыми клещеногими китайцами, бледными безбровыми немцами в мятых шортах и нашими до одури красивыми соотечественницами с надменным взглядом (*а вот и не трахнешь*) и золотой казной на новеньких гуттаперчевых грудях. Мы – такие разные в этом мире, и только на квадратных метрах курительных зон равны все расы и сословия. Вся хренова цивилизация кружится вокруг столбца с хромированной решеткой и десятком раздавленных, как рабы, окурков.

А где же та, что прилетела со мной? Моя любовь, несмотря на заложенность носа и ушей, хочет курить не меньше моего. Но куда больше никотиновой ломки она боится прозевать рейс на сказочный остров Пхукет – финишную точку нашего путешествия, и потому мечется среди десятков ин-

формационных стоек.

Она упорна и настырна. Однако, милая, читай Гумилева. Твоя пассионарность может быть с легкостью поглощена, переварена и извергнута золотой осенью древнего этноса. А тайцы – народ древний.

Первые гоминиды в Индокитае появились за миллион лет до мобильного телефона. 11 000 лет назад, когда наши европейские предки еще гонялись за пещерными носорогами, трудолюбивые тайцы всюду растили горох, перец и огурцы. И правители в многославном Сиаме были не какие-нибудь там Святополки Окаянные, Пипины Горбатые да Хуаны Безумные, а как на подбор, опрятные, разумные: причем всех звали Рама.

Ныне царствующий монарх Рама-9 Пхумипон Адульдет и вовсе перещеголял своих предшественников. Правит он уже почти 70 лет (*что само по себе свидетельствует о недюжинном уме и опрятности*). Мало того, августейшая особа владеет патентом на производство искусственных облаков, профессионально играет на саксофоне и даже собственноручно разработал фотообъектив для всемирно известной фирмы «Canon»! Неудивительно, что орденов у него поболее, чем у Леонида Ильича Брежнева (который, как известно, в облаках не разбирался и музицировал только на семиструнной гитаре в тесном семейном кругу). Ну и скажите мне, пожалуйста, с какого хрена верноподданным столь изобретательного короля тратить драгоценные нервы на ка-

кую-то долговязую чужеземку?

Моей любимой – двадцать один. Ее рост – метр восемьдесят, что заставляет тайцев при разговоре задирать голову. Им неприятно. Боюсь, что голос моей спутницы тоже не слишком благозвучен. Заложенность носа делает его гундосым, а заложенность ушей – слишком громким. Верноподанные сиамской короны – народ нежный, громких звуков не любят. Дабы не терзать свои ранимые барабанные перепонки, они отправляют долговязое и громогласное создание – «туда».

Указательное наречие «there» (т. е. «тама») – главное в английском лексиконе уважающего себя тайца. Тот, как правило, сопровождает это слово грациозным взмахом руки в неопределенном направлении. Двухтысячелетнее исповедование учения буддийских старцев Тхеравады убедило аборигенов в том, что «Куда бы праведный человек ни пошел – он придет, куда надо, а неправедного все равно укусит кобра». Но моя спутница наивна, как дитя. «There» – значит «there». Повинуясь указанию очередного раскосого сусанина, она вспархивает на серебристые ступени эскалатора. А я, провожая взглядом ее силуэт, мечтательно зажмуриваюсь, представляя, как на хрустальную крышу аэропорта Суварнабхуми обрушивается огромный «Боинг-757». О господи, нет!!! Только не это!!!

Картина, леденящая кровь. Ревут турбины двух мегадвигателей, мужественные пилоты отчаянно тянут на себя штур-

вал, стюардессы и пассажиры молятся сто двадцати богам... Но ничто не спасет, никто не поможет!!! Все ближе хрустальная крыша, все шире разинутый от ужаса рот бирманского пролетария, отмывающего гигантские стекла от дерьма тропических птиц. Курносое рыло авиалайнера медленно зарывается в хромированный купол.

В миг, когда стальной двутавр перекрытия пропарывает обшивку крыла, керосин вспыхивает. Ужасающий взрыв! Меня сбивает с ног огромный портрет орденоносного короля и тем спасает, укрывая от огненного шквала в струях беззаботного фонтана. Меня, но не ее... Почему смерть забирает молодых? Почему ее, а не сорокашестилетнего бобыля с двумя позвоночными грыжами и грустными светло-серыми глазами?

Однако красавец-аэробус и не думал падать на грешную землю. Он лениво ползет вверх по небесной лестнице в затянутое легкой сизой пеленой тайское небо. И не было адского взрыва, и не было мириада осколков, не было разлетающихся чемоданов, кошельков, соломенных шляп, рисовых чипсов. Не было сотен тонн керосина, разложивших на атомы мою рыжеволосую ведьму. Был просто голос: «Как меня затрахали эти тайцы». Ее голос – громкий, гундосый, самый дорогой голос на свете.

28 декабря (в день годовщины нашей любви) мы уехали на другой конец света, чтоб расстаться. Это было ее реше-

ние, но я сделал вид, что оно и мое. Лучше бы нас разлучила смерть. Однако смерть либо спешит, либо запаздывает и никогда не приходит вовремя.

Самолет рейса Бангкок – Пхукет благополучно взлетает. Моя любовь в третий раз за минувшие сутки скулит о боли в ушах, а потом засыпает, по-детски приоткрыв рот. Я же достаю телефон. Впервые невежество в области телефонных дивайсов не помешало, а скорее, пригодилось. Марк Викторович не умеет стирать смс-ки. Потому память старого полуразбитого Леново за полтора года разбухла от вызовов такси, заказов пиццы, сделок на сотни тысяч, компромата на сильных мира сего и истории нашей любви – от дня первого...

19.12.2013. 18.55

– 0504110709 – это мой телефон. Марк.

19.12.2013. 18.58

– Я его записала утром в воскресенье и выучила по ходу.

Это была первая смс-ка, посланная с моего номера, и первая, принятая от нее.

Для начала – кто такой я? Я – Вселенная, неловко упакованная в 181 сантиметр роста и около центнера веса... Когда директор студии документальных фильмов «Первого национального» Гресь Марк Викторович смотрит на себя в зеркало, то кажется, что девяносто с лишним килограммов тугой плоти – сплошная мускулатура. А все остальные просто обманываются, твердя, что мне уже давно пора в спортзал и на безуглеводную диету.

Кое-кто считает, что я алкоголик. Брехня! Вот, скажем, в западных фильмах... Брутальный мужчина заглянул в гости к другому брутальному мужчине. И что? Хозяин тут же предлагает ему выпить. (Отказываются только полицейские.) Разве кто-нибудь в зрительном зале подозревает хозяина или гостя в бытовом алкоголизме? Отнюдь. Бокал виски с кубиками льда или мартини с зеленой оливкой – это красиво. Отчего же, когда ко мне приходят гости и щедрый гостеприимец предлагает чего-нибудь выпить, то получает вместо «С удовольствием»: «Ты чего, прямо с утра начинаешь?»

А почему радовать себя можно лишь вечерами? В моем домашнем баре, на хромированных реллингах, вниз головой свисают узкие, как прыгуньи в высоту, бокалы для игристых вин, пузатые «коньячки». Конечно, не обойтись и без толстостенных и толстодонных, с золотым напылением по ободу стаканов для выдержанного «Чиваса». Как не подарить улыбку веселой гурьбе игривых водочных рюмочек? И ведь под всяк сосуд имеется драгоценный источник наполнения. Разве откажешься? Как не поздравить ближнего «с добрым утром» загустелой в морозце стопкой «беленькой», горьковатым, как первая любовь, глотком мартини или теплым ветерком бескрайних виноградных далей сонной провинции Коньяк.

Ни хрена я не алкоголик, и ни хрена я не старый. Идите в жопу! Мне сорок шесть и скоро будет сорок семь, а потом – пятьдесят. Во всяком случае, до пятидесяти я доживу, ибо

печень пока еще способна фильтровать даже серную кислоту, и запорами не страдаю, и зубы на месте, читаю без очков и с мочеиспусканием – полный порядок.

За три десятка лет совершеннолетней жизни какими только пакостями Марк Викторович не занимался... Делал макеты танков и самолетов на киностудии, строил декорации в стрип-кабаре, пытался спекулировать, а еще снимался в кино, снимал кино, чистил конюшни в армии, пел, уголовно преследовался, бездельничал, пил, учился на архитектора, творил компьютерную графику, писал сценарии, стал телезвездой, а потом забытой телезвездой. Наконец – сунулся в политику. (Именно политика свела меня с той самой рыжеволосой ведьмой, из-за которой даже в беззаботном Таиланде хочется быть серым волком.)

В первый раз я встретился не с ней, а с ее тлеющей сигаретой Winston Mentol Slims без следов помады на фильтре. Это случилось 29 ноября 2013 года.

Тот год выдался невероятно щедрым на события, на заработки тоже. Марку Викторовичу удалось продать три сценария сериалов, написать песни для мюзикла. Ну а главным гарантом финансового благополучия, конечно, являлась Администрация Президента. По ее заказу в том счастливом году был снят добрый десяток фильмов и два десятка имиджевых роликов. Зима и вовсе сулила щедрые перспективы. Знать бы тогда, что щедрый и тучный 2013 год закончится для страны не боем курантов тридцать первого декабря. Он

закончится в ночь с 29 на 30 ноября.

* * *

Один молодой раджа отправился искать истину на север, а другой – на юг. Они обошли весь свет, потеряли молодость, здоровье, богатство и, ничего не отыскав, встретились в харчевне, где отравились рисовой водкой. А мудрец никуда не ходил и нашел истину у порога своей хижины в тени фикуса.

Из книги «Наставления августейшему наследнику» короля Пхумипона Адульядета Рамы-9

Вечером 29 ноября, в час, когда я мог встретить свою любовь (но еще не встретил), Украина сидела под фикусом в ожидании просветления: играла в домино, лепила вареники, умилялась «звешенными и счастливыми». А мы, с моим другом Андреем Лозовым, возвращались из города Обухова, чтобы увидеться с двумя девушками. Никакой лирики. Просто эти дамы могли оказать нам ряд услуг политического характера.

Дело в том, что древний город Обухов мы посещали не ради ознакомления с единственной тамошней достопримечательностью – музеем-усадьбой поэта Андрея Малышко (кстати, автора прекрасных «Пісні про рушник» и «Як тебе не любити, Києве мій».) В ноябре 2013 года здесь располагался центр территориального избирательного округа № 94.

Мой друг Андрей Лозовой баллотировался по этому округу на довыборах в Верховную Раду от Радикальной партии Олега Ляшко. Какой же бес потянул русскоязычного коммуниста Марка Гресь в стан украиноязычных правых? Это долгая история.

К грязному бизнесу пиар-технологий Марк Гресь приобрелся еще в далеком 1994 году. Наверное, нет ни одной известной украинской партии, которая не использовала мои концепции, слоганы, ролики или имиджевые фильмы. Как средневековый ландскнехт, я нанимался к правым и левым, к крайне правым и крайне левым, ну и конечно же к центристам. А в парламентской кампании 2006 года добился рекорда, который вряд ли кто перебьет: одновременное сотрудничество с 28 партиями. За сей подвиг Марк Викторович сам себе присвоил орден Золотой Антилопы. (Был такой советский мультфик про удивительную антилопу, от копыт которой отлетали золотые монетки.) А ведь интеллигентный же человек. Тогда откуда такая беспринципность? Да от абсолютного презрения к институту украинской политики...

За долгие годы теснейшего сотрудничества с украинским политбондом мне не удавалось встретить ни одного персонажа, способного выбраться из кокона глубочайшего провинциализма. В этом убеждении нет снобизма уроженца метрополии. Великий Демокрит приехал из забытых богом фракийских Абдер, знаменитый римлянин Цицерон родился совсем не в Риме, Руссо, Моцарт, Иисус Христос, Гегель,

Кант, Ленин, Гитлер, Эйнштейн, Резерфорд появились на свет не в столицах, но они сумели обрести мышление масштаба «смен формаций». А в наших краях даже выходцы из самых центральных столичных районов мыслят категориями курятника. Долгое время я, как конченный конспиролог, любил пофантазировать. Мол, там, на самом верху, за бархатными кулисами, засел таинственный кукловод, он-то и дергает за ручки-ножки выряженных в Brioni свинопасов. Сбивая пальцы, калеча нервы, я годами, десятилетиями упорно полз на самый верх, чтобы хоть одним глазком увидеть ЕГО. И вот она, Святая Святых! Отдернут полог. Фанфары!!! А внутри – никого... Нет Черного Господина. Нет Великого магистра жидомасонского ордена. Есть пустота и запах лука.

Поленившись в свое время сбежать в иные динамичные миры, Марк Викторович укрылся в уютном коконе внутренней эмиграции. Да плевать мне на эту страну! Ее не изменишь. Создавай радости для себя. И они создавались. Накопленная энергетика выплескивалась в творчество, выпивку, конечно же в женщин, а излишки можно сбросить в политические экзерсисы. Последнее приносило весьма приличный доход и уйму развлечений. Ведь всегда есть с чего поржать. Всегда есть чем побахвалиться. Пока народ клял власть за то, что политики не могут между собой договориться – я радовался, ведь их разборки – мой это доход (ибо свинопасы рано или поздно прибегут ко мне за консультацией.) Но однажды случилось событие, на хрен испоганившее привычный

порядок вещей.

В первых числах мая 2012 года раздался звонок от некоего Андрея Лозового из какой-то там Радикальной партии. (*Доселе я о такой и не слышал.*) Тема разговора – пиар этой самой партии на грядущих парламентских выборах. (Хотите, чтобы о вас услышали? Вы обратились по адресу.)

Несмотря на близость к высшим кругам политикума, этой самой украинской политики я не знал. (Захвати меня в плен Моссад или сигуранца – пыточных дел мастера будут поспрамлены стойкостью жертвы. Ни одного секрета законодательной, исполнительной либо судебной власти враг не услышит.)

– Почему Иван Иванович поссорился с Иваном Никифоровичем, и как это отразится на поголовье рогатого скота?

– А хрен его знает.

– Почему Иван Зиновьевич должен занять пост Иванны Карловны, и чем это грозит Североатлантическому союзу?

– Не ведаю.

– Так вы же эту интригу затеяли?

– Я... Только поймите, уважаемые шпионы, я разрабатываю не операции, а расходящиеся от них эмоциональные волны. Мне платят за то, чтоб тетя Валя или дядя Петя из какой-то Джебраилловки узнали, что все эти Иван Ивановичи да Иван Никифоровичи вообще существуют на этом свете. Потом, что один из них – святой угодник, а другой – Иуда Христородавец. А в третьих, мне нужно напомнить электро-

рату, что есть Рай и есть Ад (где они обязательно окажутся, если не послушаются телевизора.) Вот когда они напугаются и проголосуют за одного, а в другого плевать начнут из окошка – тогда Марк Гресь потратит гонорар с чистой совестью. Так что вытягивайте, господа шпионы, из задницы интеллигентного человека паяльник. Никаких особых секретов он просто не запомнил или веником вымел из гениальной головы, чтоб не захламлялась.

Перед встречей с загадочным Лозовым мне пришлось залезть в Интернет дабы погуглить эту самую Радикальную партию. О... ужас!!! С экрана монитора на меня глядело лицо ее лидера. Нет! Только не это!!! (*Разумеется, я видел «то самое видео». Разумеется, просмотрев, сказал: «Срамота», при этом, в сердцах, сплюнул, закатил глаза и замотал головой.*) Но от встречи с ее лидером не отказался.

Думаете в алчности дело? Нет, заказов на предстоящую выборную кампанию аж зашкаливало. Любопытство-ссс. За день до назначенного свидания мы с друзьями за преферансом ржали до одури, обсуждая фасон бронированных трусов, кои мне предстояло надеть перед встречей с этим самым Олегом Ляшко.

И вот час пробил. За четверть часа до появления главного персонажа состоялся короткий разговор с его помощником (с тем самым Андреем Лозовым). Тот показался весьма странным пареньком («від села поїхало, до города не доїхало»), торопливым, суетливым, вечно хватающимся за теле-

фон и скачущим при разговоре с темы на тему. «Наверное, это его девочка или мальчик», – подумал я. (*Вот попал, так попал.*)

Нужно выяснить главное – размер бюджета. Последовал ответ: «Гроші є, тільки небагато». (*Ага, все вы так говорите.*) Когда я назвал сумму, которую обычно беру за консультации и изготовление продукта, бедняга побледнел. Захотелось тут же подняться и раскланяться, уж больно неохота пожимать руку тому, кто собирается подойти с минуты на минуту. (Я не гомофоб, у меня много знакомых геев, но гей в вышиванке – это уж слишком.) Марк Викторович, было, собрался позвать официанта, чтоб расплатиться за коньяк, и тут на летнюю площадку поднялся он, Олег Ляшко...

Вместе с визитером пришла симпатичная женщина неславянской внешности и странным именем Росита, а еще девочка лет десяти с живым лицом и быстрыми глазами, невероятно похожая на отца. Они молча сели за столик на другом конце веранды. Олег первым протянул руку, я ее пожал (и, как ни странно, желанная ладонь не появилось).

Главный радикал страны оказался очень хорошо одетым (*говорю как шмоточник*), ладно скроенным мужчиной, умеющим носить вещи. (*Последнее, кстати – большой талант. Я встречал многих мужчин и женщин, одетых в дорогие и даже гармонирующие между собой вещи, но, блин, все как-то наперекосяк.*) А вот на Ляшко одинаково хорошо сидели и костюмы, и футболки с джинсами. Ничего гейского в обли-

ке лидера Радикальной партии не наблюдалось. Совершенно ничего!!! *(В лицах, так сказать, нетрадиционной сексуальной ориентации всегда считается что-то порочное, а во взгляде – прищелка, не из наших ли ты часом, а может, и сам еще не подозреваешь, что из наших?)* К тому же геи редко бывают раскованны в компании малознакомых гетеросексуалов (знающих, что он гей). Ожидая скрытой насмешки, они настороженны, зажаты. А здесь – полная раскрепощенность.

И был разговор. Хороший такой разговор, четкий, плотный. Надо заметить, я человек тщеславный. Если чувствую, что собеседника интересует моя персона, то сбрасываю напускной пафос и начинаю креативить. Олег впитывал слова жадно, как губка, даже самые абсурдные идеи вызвали живой, а не деланный интерес. То есть – полная свобода действий.

Вот он, мой идеальный заказчик! В течение двух-трех дней сформировалась концепция грядущей избирательной кампании, сценарии видеороликов и слоган – ВИЛА НАПОГОТОВИ!!!

Ролики Ляшко стали самыми скандальными за всю историю украинских политтехнологий. Главный герой доил корову, ездил на тракторе, ловко орудовал лопатой и тащил из-под кур свежеснесенные яйца. В Мариинский парк удалось притащить даже настоящего крокодила Гену на поводке. *(Сюжет базировался на известных хроникальных кадрах, где Ляшко пытался стянуть с одного депутата туфли*

из крокодиловой кожи.) Грозь пальцем всем политическим толстосумам, Олег прямо на площадке сам рождает фразу: «Гена – не кормленный».

(Как итог – более миллиона просмотров в Интернете.)

Пиарщики – одна из самых циничных профессий. Пиарщик весьма редко относится к клиенту с уважением. В украинском политикуме много приятных людей: один – хорошо поет, другой – весьма приветлив, третий – широко мыслит, четвертый – обладает стойкими морально-волевыми качествами. Но... Моральный и волевой – частенько туповат, широко мыслящий – хамло, приветливый – тряпка, хорошо поющий – хреново танцует. За два десятка лет толчеи в этом мирке мне встречалась лишь пара-тройка персонажей, сумевших объединить сразу несколько достоинств. И все же, даже за самыми достойными проглядывала планка, выше которой персонаж прыгнуть не сможет.

По ходу совместной работы у Олега обнаружилось множество недостатков, но вот нащупать эту самую планку мне никак не удавалось. Это даже бесило. Ведь персонаж более чем маргинальный: село-селом, коровы, утки-гуси, обнимашки с бабульками. Приблатненный колхозник – и только. Да вот между съемками существуют перерывы, а в перерывах – разговоры. И тут маргинальный политик, которому сыпать бы и сыпать сельскими словечками да популистскими фразами, начинает говорить категориями не просто толкового депутата, а лидера страны. Будто эта страна у него уже в кармане и

он четко знает, куда ее вести. (Да спустись с небес на землю! Олег... Олег Валерьевич, вы сумасшедший, вам в этой стране не светит ничего... ничегошеньки... Здесь все, что имеет смелость вынырнуть из миски со сметаной, будет трижды обмакнуто, съедено под молитву... или это украдет кот.)

Я люблю сумасшедших. Homo rationalis (*человек рациональный*) – всем хорош, только боится закона, обременен условностями и склонен к предательству. Он видит окружающее через стеклышки кодексов и моральных установок. Однако стекло «рациональности» здорово меняет реальность. Только сумасшедший способен воспринимать мир таким, каков он есть, и действовать так, чтобы было действительно.

Рациональные люди всегда настороже. Чтобы выжить в их исключенном сообществе, «сумасшедшему» требуется звериное чутье, способность к мимикрии, стальные когти и воля. Иначе с детства присадят на нейролептики или проведут лоботомию...

Олег с первых лет жизни научился точить когти. В три года – детский дом. Три интерната – это три смены жестоких детских миров. В восемнадцать – без папы, без мамы, без копейки денег, без феи, что подарила Золушке за хорошее поведение экипаж, платье и хрустальные ботинки, он является покорять Киев. (Это не попытка выдавить из читателя слезу умиления.) Мне просто самому ужасно интересно быть свидетелем того, как «из грязи» скачут «в князи» без вол-

шебной палочки.

Этот живейший интерес и не дал мне обозлиться на этого самородка, когда тот без зазрения совести пустил большую часть моего гонорара на прокрутку моих же роликов на ТВ, а мне сказал: «Вибачайте, потім віддам». (Такого я не спускал никому! И месть за кидок бывала страшна.) А тут ответил: «Ладно... С голоду не помрем». Почему? Да потому что я знал, что за сумасшедшими – будущее! Без сумасшедших мы вечно будем сидеть под фикусом, чавкать вареники и ждать снисхождения небесной благодати.

29.10.2012. 21.40

– Марк, дуже дякую за співпрацю. Ми отримали такий результат, багато в чому дякуючи вам. Сподіваюсь на подальше співробітництво. Вила напоготові!!!

Эта смс-ка пришла после обработки 82 % бюллетеней. Радикальная партия получила более 1 % голосов избирателей. Скажете, ерунда? Но это – восьмое место. Мы лишь немного уступили маститой «Нашей Украине» и лопавшейся от бабла «Украина – Вперед!» Натальи Королевской. Олег Ляшко вошел в высшую лигу украинской политики. А недополученный гонорар я с лихвой компенсировал, задрал свои расценки у других заказчиков. (Автор слогана «Вила напоготові!!!» имел на это полное право.)

Со временем нам еще придется долго избавляться от этих «вил». Но в те дни каждый радикал выглядел триумфатором. В партию потянулись люди, и эти люди оказались край-

не необходимы.

В пяти округах выборы признали недействительными, а стало быть, будут перевыборы. Мы выдвинули своих партийцев по всем пяти округам, но основную ставку сделали на 94-й, охватывающий города Васильков, Обухов и более сотни сел.

Кандидат от Радикальной партии – Андрей Лозовой.

Андрюхе на момент выдвижения стукнуло всего 23 годика. Впечатление от первой встречи оказалось обманчивым. Нет, он, как и было замечено выше, вечно торопился, скакал с темы на тему, постоянно тычил в телефон, но при этом получил (или недополучил) весьма приличное образование, читал, имел великолепную память и комбинаторику мышления. Меня поражало, как этот растяпа мог носить в голове фамилии сотен людей, при этом помня их должности, жизненные и служебные обстоятельства и даже дни рождения. Без него Ляшко оказался бы без ходячего компьютера. При этом, на этот компьютер запросто можно накричать. (Олег часто срывался в крик на первого помощника и чаще всего безосновательно. Но и тот – хорош, вместо того чтоб смолчать, вдруг начинал зудить, цепляться за мелочи и отхватывал втрое больше.)

Вот с этим серьезно-несерьезным персонажем нам и предстояло вступить в выборную битву с такими соперниками, как известный демагог Кармазин, как кандидат от «Батькивщины» Романюк, ну и, естественно, кандидат от власти, ко-

роль кур, гусей, сыра и масла Руслан Бадаев.

Денег на кампанию нет. Команда кандидата Лозового представляет всего с десятков очень разных людей, недавно собравшихся вместе. Конкуренты, особенно регионал Бадаев, открывают школы, бассейны, кладут асфальт, бегают трусцой на оплаченных ими спортивных праздниках. А мы можем оплатить лишь чебуреки расклейщикам наших листовок. При первых замерах избирательной активности в округе Радикальная партия заняла почетное шестое место. (Хреновенько, конечно.)

Мой личный гонорарный фонд на грядущее сопровождение кампании составил 00 гривен 00 копеек. Но эту цифру можно смело назвать активом, ибо в пассиве оказались ежедневные расходы на транспорт (каждый день тачка туда и обратно), и за полиграфию приходилось платить, и машины заправлять да еще и кормить целую орду народа. Зато безнадега дарила возможность творить чего вздумается.

Эх, раззудись, плечо, развернись, рука!!! Такого разнообразия полиграфической продукции на выборах не было никогда и, наверное, не будет. Излюбленной тактикой штаба стало представление соперников не мерзавцами, казнокрадами или отцеубийцами, а словоблудами. От имени одного из конкурентов клеились листовки с обещаниями построить магнитную магистраль, позволяющую доставлять васильковцев и обуховчан в столицу со скоростью триста километров в час (то есть минут за пять.) От имени пожилого

кандидата распространялись советы по сбору грибов и лечению застарелых мозолей. Кандидат от власти в фальшивой газете предлагал выдвинуть кандидатуру Обухова на проведение зимних Олимпийских игр, построить самый большой в Европе лыжный трамплин и керлинг-арену. То есть полный абсурд. Но этот абсурд работал.

За месяц работы нам удалось подняться с шестого на третье место. Решающими должны были стать последние две недели перед выборами. Единственный шанс – тотальная критика режима Януковича и конкурентов. Не только Бадаев, но и те, кто называл себя оппозиционерами, имели роскошь окружить себя тройными кордонами охраны. Титушки охотились на наших агитаторов и расклейщиков. Многие не выдерживали. Для последнего рывка требовались люди – много людей, умеющих не только не бояться, но и говорить. Такие кадры (при отсутствии бабла) мог дать только «движ».

29 ноября 2013 года мы с Андрюхой вернулись в Киев, чтоб поговорить с Лисой и с какой-то ее подружкой...

Лиса – один из ключевых звеньев «движа». «Движа» Против Януковича? Да ей, в принципе, все равно, против кого двигаться. Если она попадет в рай, Богу придется несладко. Лиса взбаламутит ангелов, стащит яйца из-под райских птиц и на неопалимой купине сварганит какой-нибудь омлет. (Она уже нечто подобное сделала, поджарив яичницу на Вечном Огне, за что отсидела почти полгода в Лукьяновском СИЗО. И поделом...)

Идти на встречу с этой девицей не шибко и хотелось. С ее биографией и, так сказать, творческой деятельностью мне пришлось ознакомиться еще в 2011-м, в период работы с Коммунистической партией Украины. Видео с жаркой яичницы в парке Славы стало одним из главных интернетовских хитов. Тогда мне этот поступок показался омерзительным (таким я его воспринимаю и сегодня), и фильм, который довелось снимать по этому поводу, завершился требованием самого строгого наказания всем виновным. (После, краем уха, я слышал о том, что оголтелой фашистке Анне Синьковой-Лисице, дали трешку. Отсидела полгода.)

Встреча была назначена в одной из недорогих кафешек. Мы немного опоздали. Подружка Лисы нас не дождалась. От нее осталась еще дымящаяся сигарета Winston Mentol Slims без следов помады на фильтре да длинный рыжий волос на бордовой скатерти. Это была МОЯ ЛЮБОВЬ (только тогда я не знал этого.)

Грузный человек с бронированной душой не подозревал, что в этом мире существует некто, способный испепелить его самодовольство и развеять по ветру. (Поднеси мне тогда пьяный Нострадамус холодный хрустальный шар, загляни я в сердце ледяной тверди, увидь себя нынешнего – в дурацкой соломенной шляпе, с тростниковой трубочкой, выглядывающей из свежерасколотого кокоса, – в жизнь бы не поверил, что подобное возможно.) Но нельзя в нашем мире зарекаться от тюрьмы, от сумы нищего и баб, оставляю-

щих на скатерти рыжие волосы.

Итак, на месте Лисы я ожидал встретить истеричную недотраханную девицу – то ли с бритой головой и оселедцем, то ли в коричневой рубашке с черным галстуком и баварских кожаных шортах (на толстой или очень худой жопе). Однако та, что, расцеловавшись с Андрюхой, присела за наш столик, отнюдь не вызывала отвращения. Хуже того: своего идеологического врага я возжелал трахнуть.

Не знаю, как для кого, но для меня в бабе самое важное – не сиськи, тем более – не жопа, не овал лица, а – взгляд... У Лисы он был. Она сразу смерила меня им из-под очков с ног до головы.

Я знавал сотни баб с оценивающим взглядом. Их взгляды вопрошали: «Женат ли? Верен ли жене? Хорош ли в постели? Есть ли бабло? Опять же, хорош ли в постели? Готов ли к женитьбе?» Взгляд Лисы спрашивал о другом... «Ты буйный старичок или прикидываешься? Не стукачок ли ты? Какого черта лезешь туда, в чем ни хрена не понимаешь?»

Что такое «движ»? «Движ» – это часть общества, присутствующая любой формации, как упорядоченной, так и хаотичной. В упорядоченном обществе «движ» выступает против упорядоченности, в хаотичном – против хаоса. При кардинальном изменении общественной формации «движ» тут же кардинально меняет цель, ибо окончательное достижение цели – это смерть движа. Данная группа людей крайне малочисленна. Львиную часть времени у них занимает выяснение

отношений между собой. Потому власть (что тираническая, что демократическая) прилагает невероятные усилия для того, чтобы одна мини-группка называла другую «примусоренной», а другая в ответ обзывала первую «продавшейся».

На сеяние подобной лжи и клеветы разные державы (в том числе сверхдемократические) тратят колоссальные средства. Зачем? Почему, к примеру, государство Украина со сотысячной милицией, СБУ, Прокуратурой настолько опасается мизерного числа не самых удачливых, не самых умных, не самых конструктивных людей? А потому что им «по х...й» гораздо больше, чем «по х...й иным». «Движ» очень любит деньги, но деньги ему необходимы лишь на более крутое движение. Карьера их не прельщает, ведь в большинстве своем этот народ патологически ленив. Семья? «Движевые», как правило, женятся «на своих» и растят детей в «движе» (либо передают на попечение родителей). Многие, конечно, откалываются и становятся нормальными людьми, но на место ушедших приходит молодняк.

Опасность движа для государства в том, что тот постоянно поддерживает внешние проявления непокоя. К примеру, Уолл-стрит. Вроде бы все прекрасно. Молодые красавчики в безупречных костюмах крутят пальцами кренделя, подавая знаки немолодым красавцам в безупречных кабинетах. Холеные пальцы порхают по клавиатурам, цифирки прыгают, буквы множатся, котировки растут, прогрессивное человечество семимильными прыжками скачет к Цар-

ствию Небесному. А тут бряк – и появляются безответственные голодранцы из движения «Захвати Уолл-стрит»!

Вроде бы никто этот самый Уолл-стрит не захватит, а инвесторы нервничают. Их мандраж передается биржевым индексам, а потом обывателям, и все – большой привет, дудля всем с маком, а не Царствие Небесное! Причем я привел пример благополучной страны. А в неблагополучной могут сконцентрировать энергию недовольства и «кухонные бунты» экстраполировать в уличные беспорядки.

Тысячи людей хотят ударить ногой в дверь системы. Но все ждут, кто это сделает первым. «Движевому» – похрен. Он пару раз саданет в дверь ногой, отойдет в сторонку и будет любоваться, как тысячи лопушков собьют косяки и стены сломают.

Хочет ли «движ» власти? Как правило – хочет. Но абстрактно, как поимки исполняющей желания щуки в проруби. Вроде бы и хочется щучьей уха, только далеко идти, холодно, а тут еще какую-то пакость срочно нужно в Фейсбук накалякать. «Движевый» настолько ленив, что палец о палец не ударит для захвата власти, потом обидится, что ему власть не отдали, и придет колотить ногами в дверь новой им же созданной системы. Там его и повяжут.

Лиса должна прийти на встречу не одна, а с подругой. Но у той на вечер вдруг выдалось неожиданное занятие по английскому с единственной ученицей.

Почему она не задержалась в тот день? Почему не плю-

нула на репетиторство и не пришла в этот бар выкурить полпачки тонких сигарет с ментолом и выпить бокал другой красного вина, оставляющего на губах бурую пленку? 29 ноября я был слишком хорошо защищен и увидел бы в той рыжеволосой девушке всего лишь девушку, одну из тысяч киевских девушек, притом далеко не первую красавицу. Но мы встретимся лишь через две недели в момент, когда душа моя на несколько часов снимет стальной панцирь надменности...

29 ноября я был весел, самодоволен и пьян. Мы с Андрюхой и Лисой хлебали коньяк и вполглаза смотрели новости 5 канала. Новость номер один: Виктор Федорович Янукович в городе Вильнюсе предъявил Евросоюзу большую донецкую дулю. Меня это нисколько не удивило. Еще за недельку до Вильнюсского саммита Марк Викторович уже имел стопроцентную уверенность в том, что Янукович пошел на соглашение с Кремлем. (Я не пророк и с президентом в домино не играл, просто выполнял заказы Банковой.)

Двумя месяцами ранее Марку Викторовичу было предложено сделать очередное кино о злодеяниях Юлии Владимировны Тимошенко. Подобный продукт выходил на телеэкраны и в Интернет под логотипом выдуманного продюсерского центра с выдуманным авторским составом. Предоставленные документы (абсолютно достоверные) о связях ЮВТ с делом Лазаренко, с расстрелом в Донецком аэропорту Щербаня, по газовому контракту и т. д. были вполне убедитель-

ны. Писать – одно удовольствие. Трудность лишь в том, что требовалось сделать виновником всех Юлиных злодеяний Владимира Владимировича Путина. Ну, ладно, пройдусь по делу Газпрома. Это все-таки времена путинского президентства. Но ЕЭСУ тырила деньги российского Министерства обороны в середине девяностых, а Щербаня убили в 96-е. Тогда нынешний президент России еще сидел в питерской мерши. (Мастер на то и мастер, чтоб впихивать невпихуемое.) Главное в другом: выход подобного фильма накануне Вильнюсского саммита означал то, что мистер Янукович очень не любит мистера Путина и в столице Литвы готов пасть в объятия европейских «мистеров-твистеров». (А, в принципе, плевать, о чем писать.)

На изготовление «продукта» ушло дня четыре. Жду гонорара, а ответа с «большой полянки» все нет и нет. (В финансовых отношениях Администрация Президента слыла довольно аккуратным заказчиком.) Весть пришла лишь через две недели. Фильм отличный, только есть одна правка. В новой версии фильма главным вдохновителем Юлькиных злодеяний должен предстать не Кремль, а Баррозу, Меркель да Дэвид Кэмерон. Вот так. Все ясно: в мире больших решений произошли большие перемены. (Прихватил, видать, Владимир Владимирович украинского гаранта за орешки.) Хрен нам теперь, а не ассоциация с Евросоюзом.

Ничего, горе – не беда, нам не впервой бумагу марасть. Переписываю всего пару абзацев, вношу изменения в монтаж.

Ох уж и подлые, эти европейские стервятники. Ох как они хотят превратить нас в аграрно-сырьевой придаток своего буржуазного мирка. А Меркель – та и вовсе не заслуживает своего имени Ангела. Упырица она... И снова Марк Викторович ждет гонорара. Неделя проходит, вторая, и... опять Путин виноват. К самому первому варианту пришлось добавить пару деталей, и айда. Деньги получены. Урааа!!!

И вдруг за пару дней до Вильнюсского саммита звонок из Администрации Президента: сделать срочный перевод на английский, немецкий и французский того варианта, что тиражировал версию антиукраинского заговора европейских лидеров. (Ага, понятно. Киев и Кремль окончательно договорились.)

Еще с 21 ноября молодежь начала собираться на митинги. К ним тут же присоединились оппозиционные вожди – Яценюк, Тягнибок и Кличко, давно получившие прозвища – Трус, Балбес и Бывалый (по ассоциации с криминальной тройцей из комедий Гайдая.) На подобные собрания ходила одна и та же публика с «тревожными чемоданчиками». В таких обычно хранились скатанные в рулон портреты Шевченко и Юли, иконки, свечки, «Кобзарь», подушечка-думка, термос с чаем и целлофановый пакет с бутербродами.

Революционная молодежь всячески дистанцировалась от последних, ведь любая попытка провести акцию прямого действия встречала самое отчаянное сопротивление не со стороны силовиков, а от сивоусых дядечек в вышиванках,

красноносых теток с идиотскими дуршлагами на головах и от румяных попов, что, воздевая руки к небу, взывали: «Не треба провокацій!!! Моліться, а не деріться!!!» В общем, унылое говно.

Присоединяться к этой публике у нас не было никакого желания, и мы продолжали возлияния под отчаянно смелую телевизионную речь «сорвиголовы» Арсения Яценюка.

Закончив свой спич призывом к внеочередным выборам, Арсений Петрович натянул шапочку-менингитку, вязаные перчатки и чухнул домой, а следом за ним с трибуны потянулись остальные.

Совсем скоро с Майдана вернулся Богдан Тицкий (Муха). Он заскочил всего минут на десять, чтобы чмокнуть в щеку свою боевую (и сердечную) подругу Лису, чего-нибудь сожрать и вернуться к своим. Его ребята из «Черного Комитета» вместе с парой сотен активистов и студентов собирались провести на морозном Майдане всю ночь. (Волновал ли черкомовцев Вильнюсский саммит? Да плевали они глубоко на этот безвизовый режим, НАТО и прочие европряники! Хлопцы хотели двигаться. И чем рискованнее «движ» – тем круче.)

Еще при президенте Ющенко Муху поперли из киевского университета за бунт против ректора. С приходом к власти Януковича начался настоящий пресс. Тюрьмы и избияния – ерунда. По всему району, где они жили с Лисой, были набиты трафареты, изображающие Богдана с простре-

ленным лбом. Неизвестные звонили родителям с угрозами прислать тело сына по частям. (Если ты не бросишь двигаться после такого – не бросишь никогда.)

Тем же вечером Муха принес интересное известие. За пьянкой-гулянкой мы не придали его словам особого значения. В ходе одного из радикальных сходняков было задекларировано создание нового революционного конгломерата, название которого станет знаковым для грядущих революции и войны.

Если пройтись по славной улице Крещатик до спуска в знаменитую некогда «Трубу» и повернуться спиной к зеркальным витринам торгового центра «Глобус», то, повернув голову влево, можно увидеть бронзового казака, наигрывающего на бандуре какую-то мелодию. У подножия этого изваяния в те дни стояла палатка организации «Гражданский сектор» Егора Соболева. У этой палатки собирались «помірні» – студенты, интеллигенция.

А по правую сторону, у памятника основателям Киева, толклись буйные из экстремистских группировок. По ходу тушения лидеры УНСО, «Тризуба», «Белого Молота», «Черного Комитета» и «Патриота Украины» (может, кого-то не упомянул – извиняйте) заговорили об общей координации протестных действий. Там же родилось и название нового объединения – «Правый сектор».

Наша посиделка закончилась часам к двенадцати. Я поехал домой отсыпаться, а Андриюху какой-то черт понес на

Майдан.

30.11.2013. 03.42

– Ты вдома?

Три сорок два ночи. Конечно же я дома. Какого хрена мне быть не дома, когда завтра в девять утра мы должны витийствовать в гребаном Василькове? Нет, даже не в Василькове, а под Васильковым, в какой-то там Ковалевке. (Тебе чего, Андрюха, выпить охота? Иди в жопу. Спать хочу.) Но через полчаса – звонок в дверь. На пороге – Лозовой. Лицо разбито, руки обожжены. Двести граммов коньяка вернули неожиданному гостю дар речи и связность мыслей.

Оказалось, что наш уважаемый кандидат не вернулся после пьянки домой, а пошел тусить на Майдане с «правосеками». В эту ночь теплый юго-восточный ветер сменился северным. Температура упала с плюс восьми до минус восьми. Запылали бочки с дровами. Кому-то это не понравилось. Около четырех утра таинственный некто отдал приказ зябнущему «Беркуту» разогнать неугомонных маргиналов к чертовой матери...

Сегодня все валят на Януковича: мол, кровавый деспот решил в ночи напиться младой крови. *Только я из самых достоверных источников знаю, что уже к десяти вечера тот не мог принимать каких-либо решений. Нет, не пьянство... Просто Виктор Федорович – ярко выраженный жаворонок, уже в десять вечера его не пробудил бы и трубный зов пя-*

того ангела. Но кто дал команду атаковать? Тайна сия велика... Каждая из конспирологических версий может быть истинной, а может и полной лабудой.

Но вернемся к Андрюхе. Оказалось, что он отгреб не только от «Беркута», но и от титушек. Если первые прошлись по спине дубинками, то хлопцы в спортивках и кожанках походили по младому телу ногами, а напоследок плеснули в лицо то ли кислотой, то ли щелочью. Глаза прикрыть удалось, зато руки и часть щеки превратились в сплошную рану.

Честно говоря, я никогда не оспаривал право милиции помахать дубинками. Это полезно как для мышечного тонуса самих ментов, так и для поднятия самооценки тех, кого мутузят. Но кислота – это уже за гранью добра и зла. Нечто подобное подумал и весь город.

Почему ж Любоньке Полежай (пассии Виктора Федоровича) не приснился в ту ночь кошмарный сон? Почему она не лягнула спросонья господина президента? Почему господин президент, проснувшись, не почувствовал тяжесть внизу живота и не потопал по нужде? Быть может, тогда, в ночной тиши, он бы услышал встревоженный голос дежурного: «Да не могу я его будить!!!» И зашел бы в дежурку, и выяснил, в чем дело, и отменил приказ давать вольную «Беркуту». Тогда б не было разбитых голов, грома колоколов Михайловского Златоверхого, и никто б не отмутузил Андрюху, и не случилось бы революции... (и не лежала бы твоя рука на моем колене, и я б не прижимался лицом к холодно-

му стеклу, глядя на мелькавшие за окном золоченые изваяния новодельных будд, и не просил у них милости унять мою боль...)

* * *

Молодой монах, поранив пятку рыбьей костью, долго изгонял боль медитацией. И так истово, что даже не заметил, как его загнившую ногу отрезал белый доктор в золотых очках.

Из книги «Наставления августейшему наследнику» короля Пхумипона Адульядета Рамы-9

Маленький бусик «тойота» мчит по прекрасным тайским дорогам. Жаль, нельзя опустить окошко. Я восторгаюсь не каким-то там открывшимся великолепием. Ни хрена великолепного в срединной части острова Пхукет не наблюдается. Дорога себе и дорога, по обочинам – плантации гевеи каучуконосной, портреты короля с супругой и без супруги, однообразные селения; двух-трехэтажные бетонные домики. На первом этаже магазинчик, лавка или автомойка. Перед любым жилым строением – нечто вроде скворечника (по словам гида, это домик для духов).

Восторг дарят не чудеса, а непохожесть на виденное раньше. Сюда бы еще запахи и звуки, чтоб уж полное 3D. Но из радио несется американская музыка, кондиционер гонит стандартный воздух, только торпеда тайского водилы укра-

шена не Николами Чудотворцами, а изображениями Будды и каких-то благообразных старичков...

Моя любовь спит, а я не отрываюсь от стекла. Ищу взглядом то главное, что, согласно Интернету, должно приветствовать фаранга на каждом углу: проститутки, трансвеститы и слоны. (Черта с два. Ни одного слона. Ни одной падшей женщины на обочине.) Что до трансвеститов, то пара-тройка дам были в этом заподозрены, но скорость, с которой наш бусик несется по великолепному шоссе, не дает разглядеть мужского кадыка и иных подозрительных выпуклостей.

Гид говорит, что мы на подъезде. Я в нетерпении. Заплатив за тур сумасшедшие деньги (действительно сумасшедшие), ожидаю окунуться в атмосферу вызывающей роскоши. Но наша «тойота» притормаживает явно не у дворца махараджи. Какие-то столбики, пальмочки, большие бочкообразные вазы с песком для гашения окурков. (Впрочем, обстановка свидетельствует о недурном вкусе владельцев.)

Моя спутница, всласть отоспавшись в машине, ожила, закапала нос, прочихалась и принялась щебетать на своем безупречном английском с миловидной тайкой. Оформление – дело не минутное. Самое время – смочить горло. И тут – первый облом. Бармен не понимает слова «коньяк»! С настойчивостью учителя словесности из интерната для олигофренов я произношу слово «коньяк» в десяти разных вариациях, со всевозможными ударениями, и даже помогаю жестами. Однако прилично говорящий на аглицком наречии бар-

мен рассеянно улыбается и мотает головой.

Огромный бар забит чем угодно, вплоть до сулей с маринованными змеями и скорпионами. Но ни одной бутылки с этикеткой Marteli, Courguasie, Otar! Не дождавшись понимания, Марк Викторович бесцеремонно ныряет под стойку и максимально приближает близорукие глаза к батарее сверкающих разнонаполненных сосудов.

О счастье! Как скромная красавица за спинами расфуфыренных подруг, спряталась едва початая бутылка Hennessy. Мой торжествующий крик был услышан даже сонными таксистами и опрятным регулировщиком. Правда, пока я делился маленьким триумфом со своей любовью, бармен едва не испортил праздник. Верноподданный короля Пхумипона Адульядета бросил в пустой бокал щедрую горсть льда.

«О нет!!!» Мой очередной вопль превзошел по шкале децибел первый. Бармена парализовало. Принимаю из его холодеющих рук бутылку, самолично наполняю порционную мензурку и переливаю содержимое в бокал (без льда! С этого момента персонал меня стал звать «мистером Хеннесси».)

Лишь через несколько дней размышлений стало ясно, почему коньяк местному населению практически незнаком. И туземцы, и туристы заказывают исключительно те напитки, которые можно охладить. Поступать подобным образом с коньяком – преступление! (Иначе не скажешь.)

Номер неплох. Вернее, это не номер, а так называемое бунгало. Домик на одну комнату с террасой, прямо на тер-

расе – небольшой бассейн. Строения так хитро вписаны в ландшафт, что в заборах нет необходимости (можно расхаживать даже голяком). Ну а еще присутствует среднего размера джакузи. В общем, налицо почти все элементы «сладкой жизни». Да, нельзя не отметить кровать – метра три в ширину и отменное белье.

Из минусов: тайцы совершенно не умеют готовить. Бросаться на морепродукты как-то сразу не хочется, тем более, что ни я, ни моя спутница – не являемся любителями омаров, осьминогов и креветок. А заказанные из ресторана в номер стейки по упругости и носкости мало чем отличаются от резиновых тапочек официантов. (Ну и хрен с ними, что невкусно.)

Вечер в тропиках недолог. Вот светит солнце, а через минуту-другую – щелчок, и ночь. Ясная, с незнакомыми звездами, с загнутыми в непривычную сторону рогами молодого месяца. Наш отель скучноват. Ночами здесь тихо, однако здешняя тишина намного отличается от нашей. Она наполнена стрекотом цикад, криками ночных птиц, позвякиваниями невидимых колокольчиков.

Теплый коньяк испаряется на языке, дополняя своим ароматом запахи прелого листа, водорослей, дымка от обугленных панцирей мангальных креветок и омаров. Этой рыжей кикиморе еще десять дней наслаждаться, а мне десять дней мучиться.

Какого черта я затеял эту прощальную поездку? В холод-

ном Киеве терзаться злобой и ревностью намного сподручнее. В промозглом Киеве каждое лицо тебе родственно, всем зябко, всем страшно, все что-то теряют, а значит, киевлянам плохо, как и мне. (В Таиланде – всем хорошо, и каждую светлую улыбку хочется расплющить.)

Она выходит из бассейна. Рыжие мокрые космы спутались, в синем лунном свете кожа кажется еще бледнее. Ведьма! Сжечь ее, а пепел развеять над рисовыми чеками!!! Ее зеленые глаза встречают мои – блеклые, серые. Я отвожу взгляд.

– Что-нибудь не так?

– Все, блин, так!!! Так, как и должно быть... Но только не со мной!!!

Конечно, я этого не сказал. Как сказать этой сопливой гундосящей ведьме, что ее смерть перетерпелась бы куда безболезненней, чем слова – «Я хочу свободы!!!»

Какого черта мы здесь? Какого черта я не дома в пижаме, с литром коньяка и тоской? А ты... Да какая разница, где была бы ты: с бывшим, с будущим, с незнакомцем, с моим другом, моим врагом... Но обо всем этом умолчано. Я собираю в себе остатки себя и растягиваю лицо в подобии улыбки:

– Пойдем трахаться...

И мы пошли.

День второй

Было утро. Прекрасное утро второго дня в стране изобилия тропических фруктов и афишируемого секс-туризма. Порносайты сыграли злую шутку. Контент роликов с пометкой «тайки» сулил набитому баксами фарангу весь ассортимент интим-услуг, «не выходя из отеля». То есть игривое встряхивание пятидесятидолларовой купюрой должно подвигнуть любую особь женского пола заглянуть к тебе в номер с пылесосом или без него.

Во время завтрака Марк Викторович осмотрелся и загрустил. Тайки (с точки зрения европейца) – не самые привлекательные дамы. Миловидные личики еще встречаются, но фигуры, на европейский вкус, – полный неликвид. Если национальный костюм еще как-то скрывает низкопосаженность задницы, то в европейском платье раскосые бабенки смотрятся очень кургузенько. Да и не умеют тайки носить брюки, кофточки, блузочки.

Ну, да черт с ним, с этим дресс-кодом, не на подиум же я собираюсь их приглашать... Вот отправлю свою ведьму на пляж или на процедуры и вымещу злобу хоть на горничной, хоть на массажистке... Плевать...

И вдруг – крушение всех планов. Через час после завтрака в доверительной беседе русскоязычный гид поведал о том, что в этой части острова народ еще не испорчен, и менедж-

мент отеля категорически пресекает вольности в поведении персонала.

Какой черт меня занес именно в самую неиспорченную часть острова??? Я хочу в самую испорченную!!! Почему даже на сеансе тайского массажа в пятизвездочном отеле я не могу хоть на несколько минут забыть о ее пальцах, шее, губах. О том, как она смеется или кроет матом погоду, власть, голубей или грамматические ошибки в фейсбучных постах?

Когда моя любовь присоединилась к беседе с гидом, тема разговора перешла на стандартный набор тайских достопримечательностей. Что нужно посмотреть, а что – не обязательно. Мы тут же закупили чертову уймащу экскурсий. Хотелось бы даже побольше, чтобы поменьше оставаться в отеле. Ибо невыезд из отеля означает обязательный выход на пляж.

Ненавижу пляжи... Нет, оно, конечно, прикольно – в промозглom от ветра и слякоти городе листать проспекты турфирм с видами белоснежных песчаных отмелей с бирюзовой водой и мечтать бухнуться в теплое море... Но уже в первые минуты бессмысленного лежания на топчане я начинаю ерзать и ворочаться. И хочешь чем-то занять себя, но чем? Писать или читать? Невозможно. Даже в тени тростникового зонтика буквы на дисплее практически не видны. Купание радости не доставляет. Вода в бухте почти горячая. Одно радует – неглубоко...

Так уж сложилась моя жизнь, что, дожив до сорока ше-

сти лет, я толком не научился плавать. Не держит меня вода, и удержание на поверхности требует колоссальных физических и душевных усилий. К тому же с детства прочитанные книжки скорее рассорили юного Марка Викторовича с океаническими глубинами, нежели подружили.

Там, где глубже ключиц, в моем детском (а потом и взрослом) воображении начинается зона господства гигантских спрутов, диво-медуз, напичканных жгутиками с ядовитыми стрекательными клетками, и коварных водорослей, что обвивают ноги невинного купальщика и тянут ко дну – в гости к морскому царю...

Мелкость бухты дает возможность хотя бы имитировать водные процедуры. Но тут моя любовь радостно взвизгивает. Оказывается, на гостиничном пляже имеются пластиковые каяки для гребных прогулок. Если бы я знал об этом заранее, то прокрался б на берег под покровом тьмы и продырявил все до одного.

Моя нелюбовь к глубине усугублена и нелюбовью к плавательным средствам. Даже в младенческие годы, выбирая книжку, юный книгочей избегал морской тематики. Дальние странствия – конечно, прикольно. В детских фантазиях мальчик Марик с удовольствием топал по барханам безводных пустынь, углублялся в кишаси ядовитыми гадами джунгли и покорял горные вершины. Он мечтал стать доктором Ливингстоном, Ермаком Тимофеевичем, Пржевальским, но вот лавры Магеллана, Кука и Крузенштерна с Ли-

сянским никак не тревожили его сухопутное сердце. (Единственные суда, на борт которых всходить не страшно, – накрепко пришвартованные к набережной Днепра плавучие рестораны.)

Уныло и послушно волоча пластиковую коробочку к воде, я с грустью вспоминаю поучительный рассказ из учебника школьной литературы об отважной четверке советских матросов.

Шторм унес героическую баржу в Тихий океан. Несчастных 49 суток мотало в холодных водах без еды и питья. За это время сержант Зиганшин и его команда научились кушать солидол, кирзу, ремни и даже слопали кожух от гармошки. Об их подвиге распевали свои песенки легендарные «Битлз» и московские стилияги:

*Зиганшин – буги, Зиганшин рок,
Зиганшин съел чужой сапог.*

Я мог бы признаться ей в своих страхах. Возможно, это признание сделало бы наши отношения более нежными и интимными. Но так как впереди маячит разрыв, ни о какой слабости не может быть даже речи. Презренная изменщица должна осознать, что сделала роковую ошибку, презрев рыцаря без страха и упрека. А потом ежедневно колотить себя по лбу и восклицать: «Какая же я дура!!!»

Сажусь в каяк плотно и уверенно, будто родился от мате-

ри из племени Алгонкины при сплаве по реке Гудзон. Я гребу смело, не боясь брызг. Но при этом мысленно вспоминаю заметки из журнала «Вокруг света» о коварных обратных течениях, что порой уносят беспечных рыбаков в те районы Мирового океана, которые даже торговые и военные корабли обходят десятой дорогой.

О нет, только не это!!! Мы опрометчиво удалились от берега, и коварное обратное течение тянет наш утлый челнок прямо в открытый океан. Мои мышцы натужно бугрятся, крепкие руки сжимают весло... Но что может сделать сын человеческий против силы величайшего из океанов?

Она отчаянно взывает о помощи к проплывающему парому, только высыпавшие на борт китайские туристы принимают нас за спортсменов-олимпийцев, аплодируют и щелкают селфи на фоне уходящей к линии горизонта лодки.

Проклятый океан!!! Я напрасно вглядываюсь вдаль в поисках материковой полосы или хотя бы крохотного островка с пальмой и попугаем. Мы оба знаем: это – конец...

Пылающее солнце безжалостно терзает ее белую кожу (не спасает даже большая соломенная панама и примочки соленой воды). Она не жалуется, но в измученном взгляде воспаленных сине-зеленых глаз – мольба: «Сделай же что-нибудь, мужчина!!!» И я делаю из весла острогу, остро вглядываюсь сквозь толщу воды в пугающие тени неведомых чудовищ. Только гигантские левиафаны чувствуют недоброе и, брызжа фонтанами, огибают наше пластиковое корытце стороной.

Она бредит и просит кваса. Явись дьявол, я тут же отдам бессмертную душу, чтоб забрать ее страдания себе... но даже дьявол не рискует заплывать в эти проклятые широты...

Нас подобрал американский авианосец, когда было поздно. Тысяча румяных морских пехотинцев украдкой стряхивали слезы, глядя, как я сжимаю в руке ее иссохшую безжизненную ладонь с потрескавшимися ногтями. (Зачем ты сказала, что уйдешь? Зачем погнала меня в пучину вод без рации и мощного мотора?)

– Ты заехал мне по ноге!!!

Конечно, я все делаю не так – гребу не так, люблю не так... Еще попал веслом по гребаному пальцу. Не лезь под весло!!! И вообще, нужно было дома сидеть и варить борщ (тому, с кем жила), а не переться год назад на выборы в город Обухов. И остался бы целым палец, и сохранилась бы молодая семья!!!

Но 1 декабря 2013 года судьба решила, чтоб у Андрея Лозового появился шанс на победу. Ты не осталась в Киеве на тесной замызганной кухне с телевизором вместо табуретки на балконе.

* * *

*Даже уходя на рынок за шафраном или керосином,
не забудь благословить дом, семью, свиней и хозяйство.*

Только боги знают, как скоро ты вернешься.

Из книги «Наставления августейшему наследнику» короля

Пхумипона Адульядета Рамы-9

Первого декабря 2013-го Марк Викторович с большой неохотой покинул теплую квартиру и уныло побрел высказывать свое грозное «НЕТ!!!» произволу властей, избивших в ночь на 30 ноября Андрюху и пару десятков горемычных студентов.

Грозное «НЕТ!!!» планировалось исторгать часа два-три, после чего можно слинять в ресторан «Валентина», где ждут друзья, водка и азартные игры. Я был абсолютно уверен: у памятника Шевченко соберется тысячи три-четыре разношерстного народца, мы вместе покричим: «Ганьба!!!», камера снимет героически побитого Лозового, из этой фотки слепится очередная листовка, и все... Кто бы знал, что вечером первого декабря о преферансе в теплом и пьяном кругу друзей придется позабыть на четыре месяца.

Выныриваю из подъезда. Морозно. У меня тихий двор, но сегодня особенно тихо. Рядом – вечно запруженная улица Артема. Обычно с проезжей части, даже в выходные, доносится гул моторов и гудки машин. (Ага, догадываюсь, осторожные автолюбители прослышали о митинге и объезжают центр стороной.)

На трассе действительно пусто, но пешеходная зона забита. К метро стекаются группки молодых людей. Куртки, пальто, полушубки украшают жовто-блакитные и евросоюз-

зовские ленточки. Меж них снуют пацанята с листовками. Прочел штуки три-четыре. Тексты – разные: русскоязычные и украиноязычные, посылы от левацкого до ультранационалистического, в формулировках – корявая самостоятельность. Нет, ребята не передрали их из Интернета, а сами придумали, сами оформили, сами распечатали на принтерах. Прикольно.

Раздатчики листовок, видно, раньше этим не занимались. Ребятки боязливо косятся по сторонам, завидев милиционеров, паникуют, драпают в подворотни (хотя никто их и не пытается задержать). И все же, уняв дрожь в коленках, чубатые гавроши возвращаются на тротуары.

А народ все прет и прет к метро – по трое, по пятеро, пряча от милиции бунтарский реквизит. На открытом городском пространстве молодняк еще побаивается людей в погонах, однако, перевалив через турникеты и оказавшись в бетонной трубе эскалатора, даже самые робкие начинают смеяться, цепляют на грудь значки, покрывают украинскими и евросоюзовскими флагами спины, девчонки рисуют на щеках тризубы. (Толпа обезличивает. Кто меня узнает? Кто догонит? Кто накажет?)

Я высокомерно ворочу нос. Вы думаете, что, спрятавшись в толпе, обретете свободу? Да что вы знаете о свободе? (А что о ней знаю я?)

Свобода – такое состояние субъекта, в котором он сам является определяющей причиной своих действий.

Википедия

А часто ли я сам являлся «определяющей причиной своих действий»? Вот так бросишь взгляд в собственное вчера и позавчера и навскидку не вспомнишь... Нет, по пьяни – бывало. Идешь, подгуляв, по ночной улице – свобода. И гопники не страшны, и ментовской патруль. Иногда и сказать могу «чего-то правдивого» нехорошему человеку. Да я и трезвый частенько говорю, что думаю, и действую по собственному разумению. Только разве сказать: «Нет!!!» – это свобода? Разве грохнуть кулаком по столу – свобода?

Да какого хрена о свободе разглагольствуешь ты, турист хренов??? Ты... тот, кто проснулся с рассвета, чтоб успеть напиться до того мига, когда это рыжее создание громко зевнет и распахнет глаза. Марк Викторович хочет создать иллюзию свободы? Он хочет пошлить, показно плясть на сисястую немку за соседним столиком, прятать взгляд в телефон и истерично искать в фейсбушной ленте хоть что-то забавное, как повод потрепаться ни о чем? Трезвым ты уже не способен быть «определяющей причиной своих действий». Так что заткнись о том, чего не знаешь, о

чем забыл или что пропил.

Станция забита почти до отказа, будто это не тихая Лукьяновская, а Олимпийская перед матчем Лиги чемпионов. Неужели все они туда? Туда...

Гудок из глубины тоннеля. Пассажиры отступают за полосу безопасности. В субботу поезда метро полупусты, но только не сегодня... Вагоны аж распирает. Правда, не шумно. Сотни людей молча переваривают то, что с ними должно случиться, когда диктор объявит следующую станцию «Золотые ворота» и двери раскроются.

Неужто новый Майдан? Брезгливо морщусь. Для меня Майдан-2004 – кислый фестиваль посредственности. Опять исполнение гимна каждые десять минут? Опять унылые коллективные молебны? Опять шныряющие по сцене аниматоры, предлагающие крикнуть: «Банду геть!!!» или «Ганьба!!!»? Опять ожидание мессии?

(Да ведь гулял уже Майданами один мессия. «Воалал», что готов вскарабкаться на Крест. Только пошел не на Голгофу, а уселся в мягкое кресло прокуратора. Благо, хоть не слишком злобивым был.)

А десять лет спустя в мессии метят или безнадежные дураки, или Иуды, да такие, от которых не добьешься самоповешенья. Они тридцать сребреников с удовольствием возьмут да еще и под процент положат. (Хрен вам всем!!! Я не с вами. Я – вынужденный наблюдатель.)

Метро «Золотые ворота» – пересечение двух челове-

ских потоков. Вот кто-то крикнул: «Слава Украине!», с десятков голосов отзываются: «Героям слава!!!» И не обрушились потолочные своды, и не зажевали шестерни отчаянных сорвиголов... А значит, можно! И на втором пролете эскалатора уже сотни голосов извергают в жерло тоннеля пугающий меня и нескольких случайных попутчиков бандеровский лозунг.

Еду вверх молча. Пытаюсь угадать, насколько хватит этой показной смелости. (Янукович – дядька жесткий. Такой даже если по голове погладит – волосы поотпадают.)

Извергающийся из дверей станции людской поток не прерывается. Неужто сотня тысяч наберется? Набирается. И главное – среди тысяч идущих можно заметить тех, кто собрался «не хоромы водить». (Я ведь знаю, для чего наплечники под фуфайками и железные уголки в рукавах.)

01.12.2013. 11.10

– Андрюха, ты где?

01.12.2013. 11.10

– В «Шаленій мамі». Фюрер вимагає зйомку. Ти не можеш знайти камеру?

«Шалена мама» – кафе у парка Шевченко. А «фюрер» – Олег Валерьевич Ляшко. 1 декабря он вождь только для Андрюхи. За соседними столиками Линукс и Лорик из «Братства» Корчинского, Октан, Депутат и Прозапас из «Патриота Украины». Эти ребята сегодня с нами, но у них – свои лидеры.

Я – особняком. Судя по обрывкам разговоров и тлеющей тонкой сигарете, от компании только что отделились Лисица и еще одна рыжая девушка.

Заходит Олег. Со всеми здоровается. Он предельно возбужден. Садится, вскакивает, подбегает к стеклянной витрине, снова садится. Такого количества людей никто не ожидал. Простым сходняком это не закончится. Слушаю разговоры «патриотовцев» и «братчиков». Их друзья где-то здесь, в толпе, и они пришли не с пустыми руками.

Олег напивается энергетикой толпы. Губы на глазах алеют, как у вампира. На щеках играет легкий румянец. Он уже давненько не был в деле.

В 1995-м, на похоронах патриарха Владимира, 23-летний журналист Олежка Ляшко умудрился взобраться на каштан и бросать камнями в спецназ. То, как его стряхивали с дерева наряды милиции, вошло во все сводки мировых новостей. Потом были «Украина без Кучмы», следом – Майдан.

Сегодня у него день рождения. Сорок один год. Не до праздников. Сейчас ему уже сорок. Ох, как тесно в этом ресторанчике потенциальному Наполеону. Как мала его личная гвардия из семерых человек по сравнению с той стихией, что бушует за стеклянными витринами «Шаленой мамы».

«ДАЙТЕ МНЕ ТОЧКУ ОПОРЫ, И Я ПЕРЕВЕРНУ МИР!!!»

А нет у вас точки опоры, Олег Валерьевич, и вряд ли хоть кто-то из здесь присутствующих (за исключением Андрию-

хи) всерьез верит в то, что она в ближайшее время появится... Не обессудьте. У вас нет ничего, кроме воли, таланта и висящего над самой макушкой огромного и тяжеленного дамоклова меча.

Наконец появляется Осман. В счастливые времена Османых работал личным фотографом легендарного Гейдара Алиева, но случилась какая-то «мутная история», и он оказался в Украине. (Не лучшее время выбрал фотограф и не лучшего клиента. Хотя... Можно полжизни провести на паркетe, в интимной близости от самых сильных мира сего, а потом обернешься назад – и вспомнить нечего.) Ни Осман, ни я, ни Олег – никто из нас еще не знает, что история отсчитывает последние часы размеренной жизни.

ПОЕХАЛИ!!!

Я никогда не видел в Киеве столько людей, даже в 2004-м, хотя в цифру «миллион» не верил и никогда не поверю. В Киеве нет ни одной площади, способной вместить такое число людей.

В далеком 1987-м рядовому Советской армии Гресю выпала честь участвовать в параде на Красной площади. Подготовка шла три месяца на Тушинском аэродроме, практически в центре Москвы. Там взлетные полосы расчерчивались на прямоугольники по пятьсот человек (так что я знаю, что такое визуально 5000, 10 000, 20 000).

По моим подсчетам, в парке собралось около двухсот тысяч, но народ все подходит и подходит.

Главная задача пиарщика Греся на 1 декабря – посредством фото и видео убедить страну в том, что Олег Ляшко и Андрей Лозовой – лидеры общественного мнения.

Нам удастся взобраться на парапет. С метрового возвышения картина всенародного сбора выглядит еще более впечатляющей. Головы, головы, головы... Значительная часть этих голов поворачивается в нашу сторону. Узнают. Хорошо узнают. Замечательно... Многие спрашивают: «Де вила?» Ответ очевиден: «Вила напоготові!» Однако в личностном отношении к Олегу больше веселого любопытства, чем искренней заинтересованности. В нем не видят потенциального вождя.

Вдруг над толпой прошелестело: «Кличко...» Этому детине и парапета не нужно. Его голова в дурацкой кепочке с утиным козырьком, как бакен, висится над гладью людского моря. Олег перестает быть интересен массам. Тысячи глаз любуются великим спортсменом. Тот улыбается. Машет кому-то рукой. Потом делает серьезное лицо. В общем, не знает, как себя вести, а спрятаться не за кого.

В тени огромного боксера можно разглядеть еще и пушистенькую, как лист фиалки, плешь Яценюка, бесхитростно слепленный череп лидера «Свободы» – Тягнибока и сочные, как черешенки, губы Турчинова. Никто из них не тянет на мессию, ни даже на туземного царька. Но на 1 декабря 2013 года у оппозиции Януковичу нет других предводителей.

Олег делает вид, что не расстроился (хотя явно расстро-

ен, видя, как сотни людей ломаются пожать руки этой четверке). Показалось, всё – сейчас те возглавят шествие, и цепная реакция зарождающегося бунта будет погашена сто раз пересказанными речами. Но вдруг неведомая сила сталкивает толпу с места. Сотни тысяч человек без какой-либо команды идут вперед. Кличко растерянно крутит головой. («Эй, куда? А мы?»)

Оппозиционная четверка явно готовилась быть вознесенной на ступени памятника Шевченко. И были заготовлены речи, и надеты теплые носки для долгого и гордого топтания на месте. (Наверняка в складках пальто Кличко спряталась певица Руслана, чтоб в нужный момент выскочить и сплясать что-нибудь дикое и гордое.) Но толпа, двинувшись с места, уже перестала интересоваться даже двухметровым супертяжем. Кто толкнул с места эту лавину? Новый мессия? Почему же не слышен его голос, почему среди частокола людских голов не разглядеть его апостолов? (Ответ можно получить лишь впереди колонны.)

Любопытство оказывается сильнее профессионального долга. Мы с Андрюхой, оставив Олега на попечение охраны, ускоренным шагом уходим в отрыв. Любопытство дополняется и совершенно практичными смыслами. У Проза-паса есть камера. Нужно зафиксировать Андрюху с его побитой физией в первых рядах (и, глядишь, Его Величество Ютуб, плюс нужные комменты превратят Лозового в топ-персонажа украинского сопротивления). А это может дать

дополнительный шанс на выборах (до которых уже меньше двух недель). Приходится с шага перейти на бег.

В сорок шесть трусца – не в радость. Одышка. Но даже хрипы в легких и недостаток кислорода не принудят старого журналисту перестать вертеть головой. Зачем здесь эти люди? Ну, со студентами понятно. Им нужно куда-то ходить, чтоб не застояться. Сивоусые дядьки да неопрятные теткы с иконками – ну, куда ж без вас? Однако сегодня эти полукарнавальные персонажи – лишь небольшие островки в бескрайнем человеко-селевом потоке.

Основные здесь те, кто ходят на работу, сидят в кафе и в Интернете, ездят в Турцию и на Мальдивы, играют в боулинг и преферанс, разрываются между женами и любовницами. Все те, кого вытащить в холодный день на улицу еще вчера казалось немыслимым.

Что ж вам нужно, мои состоявшиеся в жизни сограждане? Вам нужна Европа? Да знаю я вас. Вы сами мне говорили, что не нужны мы чертовой Европе, что поматросит она нас и бросит. Не за Старый Свет вы идете навстречу пугающей неизвестности. Вы, недобросовестные налогоплательщики, добросовестные плательщики кредитов и ипотеки, просто не желаете считать себя холопами, которых можно сегодня одарить пряником, а завтра высечь на конюшне.

Где-то совсем рядом, сверкая рыжей копной волос, идет та, которую я еще не встретил. С кем она сейчас? Возможно, увидела бывшего любовника или даже бывших. Говорит,

что вот уже год, как замужем, полюбила варить и шкварить, что какая-то подружка проглотила майского жука, что... А может, обо всем этом она молчит. И еще молчит о том, что очень боится ближайшего заседания суда, приговора и препровождения в унылые места. Или ей просто весело, ведь будет о чем рассказать вечером тому, кто ждет в запущенной квартирке с видом на большую библиотеку имени великого ученого. (Она не знает, что совсем рядом, не выпуская сигареты из зубов промчал седовласый стройный атлет, которому в недалеком будущем придет ее смс-ка о бабочках в животе.)

А седовласый атлет тем временем с бега переходит на шаг, и дело не в приступе кашля, а в дивном зрелище. Среди неупорядоченного «движа» гражданских четким прямоугольником, почти строевым шагом следует странное воинство. Пусть доспехи деревянные (лист фанеры спереди, лист сзади) и на голове не шлем, а строительная каска, а из оружия фанерный щит и дубинка. Но эта сотня с лишним бойцов отнюдь не напоминает бутафорную рать, а нечто вроде эльфийского войска из «Властелина колец». Немного нереально, но впечатляет. (Первая армия параллельного государства.)

– Это кто?

– «Тризуб», – отвечает Линукс. – Львовские хлопцы.

– Тягнибоковские?

– Да нет, сами по себе...

Ловлю себя на энтузиазме. Какого черта я, отхаркивая рвущиеся из легких никотиновые смолы, несусь в голову колонны? Потому что боюсь опоздать. Неужели в нашей стране есть куда опоздать? Раньше здесь не опаздывали даже на голодовки. (*А чего переменится в голодовке? Кто-то умрет? Да никто ж и не умирал.*) А как можно было припоздниться на «Оранжевую революцию»? Никак. А сегодня по улице прут сотни тысяч, чтоб клещами и «болгарками» раскурочить эту древнюю, насквозь провонявшуюся (и столь уютную лично для меня) силосную яму Системы.

Мы достигаем головы колонны, рассчитывая увидеть нечто более впечатляющее, чем воинство «Тризуба». Но впереди – точно такие же обычные люди. У них нет плана. Они просто идут, при этом чувствуя себя довольно неловко. По логике журналиста, как и любого трезвомыслящего человека, – кто впереди, тот и главный. И к тем, кто впереди, спешат фотографы, телеоператоры, журналисты с микрофонами.

– Куда вы идете? Чего хотите?

Они не знают... Лозовой не знает... И я не знаю... Какого хрена ты тут? И на кой хрен тебе это нужно?

Нет, не добавляет седина ума. Нередко под морщинами на лбу скрывается безбашенный мальчишка, и через минуту, две, три пленка здравого смысла вымыта из черепной коробки выплесками адреналина. Ты уже не обращаешь внимания на «тихушников», что под жовто-блакитными флага-

ми прячут диктофоны и камеры. Ты не думаешь о том, что на соседних тихих улицах стоят десятки автобусов, набитых людьми в форме и в штатском. Марк Гресь перестал быть журналистом, художником, киносценаристом... даже политтехнологом. Я, как и сотни тысяч людей, сползающих с Крещатика к Майдану, широким бодрым шагом топаю прямоком в историю.

– Коллективное бессознательное?

– Да.

– Стадное чувство?

– Да!!!

В принципе, мне удавалось большую часть жизни дистанцировать себя от толпы. (Не нравится слово «толпа»? – назовем ее «добровольным собранием граждан».) Так вот, в моей биографии, как и у всех советских людей, случились пионерия и комсомолия. Только чувства стадности эти организации в 70-х и 80-х не воспитывали (что бы сегодня не фантазировали. Может, кто-то и желал воспитать, но хорошие «пастухи» повывелись.)

Мы мечтали о джинсах, потихоньку прифарцовывали, втихую курили и побухивали. В 1982-м комсомольцу Гресю даже довелось постоять в почетном карауле у портрета безвременно почившего Брежнева. Только мысли во время этого почетного стояния крутились не об утрате вождя мирового коммунистического движения, а об отмененной дискотеке в Доме пионеров.

В 1986-м, как все, Марк Викторович был призван в армию. 1986 год – это еще СССР в чистом виде: с двумя каналами телевидения, с «Пионерской зорькой» по радио, с сочными поцелуями партийных вождей на передовицах «Правды». Возвращаться пришлось совсем в другую страну: «Ласковый май» из динамиков. Качки в «спортивках» на рынках. Пустые водочные прилавки. Ошалевшие люди. Мятущийся Горбачев. На улицах – митинги.

Самое время проверить на себе «забористость» стадного чувства. Однако демобилизованный оболтус не спешил вливаться в колонны манифестантов. Что мне до свободы общества в целом? Нужно же, по-человечески, отпраздновать обретение личной свободы. (А водки – нет. Приходилось часами выстаивать в очередях за азербайджанским шмурдяком.)

А потом все друзья вернулись, похвастались дембельскими альбомами, наврали с три короба об личных подвигах, выпили, проспались – так оглянись же по сторонам! Жизнь кипит!!! Определись – с кем ты??? Но в канун самоопределения обнаружилось, что рядовой запаса Гресь притащил из армии туберкулез. По этой причине пришлось еще больше года провести в закрытом тубдиспансере, в полной изоляции от общественной жизни.

Впервые на «всамделишном» митинге мне довелось побывать только в ноябре 1991-го. Полуостров Крым. Неподалеку от туберкулезного санатория «имени 20 партсъезда», у автовокзала поселка Симеиз, агитировал «Рух» – за рефе-

рендум о независимости. То ли руховские ораторы оказались хуже некуда, то ли дала всходы «великодержавная косточка» – ничего похожего на стадное чувство не проявилось. Послушал, плюнул и проголосовал за нерушимость Советского Союза. Последующие годы я не менял своего мнения.

Какой же черт 1 декабря 2013 года погнал Марка Гресья во главу колонны, стремительно приближающейся к милицейскому кордону? Не знаю!!!

* * *

Многие из клявшихся, что видели затерянный город – на самом деле лежали в малярийном бреду в хижине местного знахаря. Так что тем, кто уходит на поиск затерянных городов, рекомендую прихватить хинный порошок и настой гвоздики от комаров.

Из книги «Наставления августейшему наследнику» короля Пхумипона Адульядета Рамы-9

Впереди, метрах в двухстах, высится остов недостроенной главной елки страны. Территория Майдана робко очерчена низенькими оградками, за которыми, как воробышки, жмутся друг к другу насмерть перепуганные милиционеры. Сейчас они – не товарищи сержанты, лейтенанты и майоры, они – пацанята, ждущие команд от взрослых. А взрослые бросили их на произвол судьбы. Самые смелые через рупоры мегафонов еще пытаются призвать кого-то к порядку, но раз-

ве можно остановить цунами? Милиция дематериализуется. Рубикон из убогих оградок – всего в паре метров, и он должен быть перейден.

Один, два шага – и мы с Андрюхой и Линуксом отшвыриваем первое ограждение. (Всего через полчаса этот снимок появится в «Украинской Правде».)

Но какая несправедливость! Профессиональный революционер Линукс, вся жизнь которого – лишь подготовка к таким дням, – в кадр попал только ухом. Андрюхе пиар нужен, как воздух, но на снимке оказался лишь его капюшон. Зато Марк Гресь, которому это не нужно абсолютно, предстал в фотохронике во всей красе с перекошенным от праведного гнева лицом...

Причина гнева на моем обличье – отнюдь не преодоление каких-либо подлостей «злочинної влади». На защиту новогодней елки встали совершенно неожиданные персонажи: пожилые тетки и дядьки с жовто-блакитными и евросоюзовскими ленточками и неразборчивыми бейджами. Они с завидной ловкостью бухаются на коленки и воздевают руки к небу с криком: «Не треба провокацій, синки, бо буде кров... Не треба крові!!!» Срываясь с коленок, они виснут на руках и плечах прорывающихся на Майдан бойцов.

Но через несколько секунд летучий отряд подложных пенсионеров как по команде растворяется в воздухе, чтобы время от времени появляться в самых неожиданных местах (о которых будет сказано позже).

А пока – тысячи демонстрантов, упиваясь первой победой, спешат зафиксировать себя на фото. Главной съемочной площадкой становятся ступени к стелле Независимости и большой трактор. Этой машине предстоит через несколько часов стать топ-персонажем новостей постсоветского пространства и угодить в общемировые сводки.

Андрюха взобрался на крышу стальной махины. Два нажатия на кнопку телефонной фотокамеры, и юный революционер с подряпанной мордой и обожженными руками зафиксирован на общем и крупном планах. (Через Фейсбук фотки ушли в Интернет и в типографию для печати новой листовки.)

Через три минуты у трактора появляется Олег. Его съемками занимается Осман. Османых, конечно, профи, но сам персонаж – профи в квадрате. (Я ненавижу себя на фото. Скверный аппарат вечно выдернет тот момент, когда Марк Викторович глупо разинет рот, закатит глаза, вывалит живот.) А Олега Валерьевича любит вся фото- и видеотехника. Что ни кадр – хоть в рамку вставляй.

Но не в красоте дело. Его мимика удивительно четко передает чувственную наполненность исторического момента. Первый же снимок со взглядом Олега Ляшко, что ушел с Майдана во Всемирную паутину, будто твердил миру: «Вы все накануне потрясений, и хрен спрячетесь».

То, что сейчас рождается в сердце Киева, не закончится вязким миром. Будет смена вех или избиение младенцев,

низвержение основ или кровавый триумф черного императора – что угодно, только не скользкий договорняк.

Людской поток уже запрудил пространство Майдана. Что дальше? Самые горячие головы собираются идти на Администрацию Президента. Логика есть. Стоит костяку из трехсот-четырёхсот безбашенных головорезов двинуться в сторону Банковой – остальные пойдут за ними. Против сотен тысяч идущих не устоит никакой беркутовский заслон.! (И это говорю я??? Это говорит человек, много лет получавший здесь гонорары?)

Да, это говорил я, добавляя, что вслед за Банковой нужно штурмовать МВД, Минобороны, СБУ, Кабмин, Верховную Раду! А дальше – как карта ляжет... (Стыдно признаться, но в старом дураке проснулись Ганнибал, Суворов, Цезарь, герцог Нассауский и Сципион Африканский.) В буйной фантазии вырисовываются красные и синие стрелки ударов, контрударов, клещей, котлов, двойных охватов и прочей символики (закрепившейся в памяти, благодаря замечательной детской книжке «Книга будущих командиров»).

В течение десяти-пятнадцати минут нам с Андрюхой удастся в телефонном режиме собрать несколько групп буйных из недобитых властью «Братства» Корчинского, «Патриота Украины», «Черного Комитета». Всего около полусотни. Маловато... Нужно искать людей.

Около Дома профсоюзов четким прямоугольником выстроились эльфы из «Тризуба». Они маршируют на месте,

синхронно лупят палицами по щитам и скандируют: «На Кабмин!!!» Подбегаю к Главному. (Много после я пытался идентифицировать того худенького человека в очках, но ничего не получилось.) Главный отвечает: «Нас ще мало!!!» Я продолжаю нудеть: «Вас – две сотни, нас – полсотни, этого хватит, чтоб сдвинуть толпу с Майдана». Но эльфы продолжают свой марш на месте. Ни на какой Кабмин они не двинулись. (Это мое первое разочарование в костюмированных и брендированных воителях. И не последнее. Далеко не последнее.)

Тем временем сквозь толпу на Майдан пробивается грузовичок. Какие-то люди быстренько разворачивают на кузове колонки. И вскоре над затихшим людским морем зазвучал незнакомый голос с галицким акцентом. Невидимый оратор забубнил о святости Майдана, о начале работы какого-то всенародного вече (какое на хрен вече???) и о том, что некие паршивцы-провокаторы желают это самое вече сорвать. Мол, никуда не идите, стойте на Майдане, пойте гимн, кричите: «Ганьба!!!» и «Слава Украине!!!» Тиран Янукович убоится этого крика и обязательно убежит, а пока, дорогие соотечественники, послушайте слово пастыря Любомира Гузара.

Сотни тысяч рвавшихся в бой киевлян вынуждены почти полчаса слушать нуднейшую проповедь. А ведь эти минуты могут решить судьбу страны.

Наши буйные собратья потихоньку рассасываются. Свя-

заться с ними нет никакой возможности. Мобильный сигнал явно глушится. Мы с Андрюхой тоже выбрались из заскучавшей толпы и отправились в «Кофе-хаус» хлебнуть коньяка. Двести граммов «Мартеля» согревают тело и охлаждают разум. Я проклинаю всех и вся. (Гресь Марк Викторович уже засветился в буйнодействии, что может здорово повлиять на заработки, а взамен получено всего двадцать минут адреналиновой эйфории. Явно неравноценный обмен.) Бедному Лозовому приходится слушать мое нытье по поводу неспособности украинцев к истинному бунту. Через минуту этот вывод начинает подтверждать своей кислой речью взобравшийся на кузов Арсений Петрович.

Майдан – ловушка. Главная площадь страны – как хищное растение «росянка». Она манит порхающих мотыльков яркой, переливающейся капелькой соблазнительного сока. Только капля тягуча. Она не отпустит увязшего. Створки захлопнутся, и начинается процесс пищеварения.

Мы не захватывали Майдан, нас туда заманили, чтобы вытянуть из нервов революционную энергию и спустить в канаву местечкового сходняка. Грузовичок кряхтит под тяжестью «вгодованого» Тягнибока, здорового Кличко, а в очередь вскарабкаться на надгробье революции выстроились круглопузые Порошенко, Бенюк, Бондаренко. (Валить отсюда к чертовой матери...) Но внезапно зависший над центром города электронный колпак дал трещину. Телефонный звонок. Звонит Линукс.

– Быстрее на Банковую, а то все про...те!!!

* * *

*Если в твоём пруду завелся крокодил – продай пруд
или купи меч.*

*Из книги «Наставления августейшему наследнику» короля
Пхумипона Адульядета Рамы-9*

Улица Банковая. Администрация Президента. Первый за-
слон. За забором из металлических щитов редут милицио-
неров где-то в три ряда. Говорят, «Беркут». Но «Беркута»
в первых рядах нет. Это ВВшники, девятнадцатилетние па-
цаны. Им страшно. Они еще не бывали в подобных передел-
ках. (Да вся страна в таких переделках не бывала.)

Бунтовщиков немного, тысячи две, но ребята серьезные.
Они шли к шансу попробовать себя в деле через фанатские
разборки, через схватки с милицией, через свои «качалки»
и школы рукопашного боя. Лица большинства закрыты, и в
этом нет дани моде. Незваные визитеры прекрасно знают,
что каждый квадратный метр Банковой прощупывается ви-
деокамерами с нескольких ракурсов. (Это школы и больни-
цы у нас не компьютеризированы, и внешняя разведка на-
блюдает за врагом с дерева в бинокль, а у тайной полиции с
техобеспечением – порядок. Каждый снимок тут же уходит
на идентификацию, за полчаса личность устанавливается.)

Кто-то хлопает по плечу. Оборачиваюсь и шарахаюсь. На

меня смотрит ухмыляющийся человеческий череп. Он пропечатан на балаклаве. В прорезях поблескивают черные глаза Линухи. Становится спокойнее. Не то чтобы мы с Андрюхой напуганы. Просто и он, и я впервые в подобных переделках и не знаем, как действовать.

Линуха прошел, как говорится, «и Крым и Рим». Он знает, что делать и как не попасться. (Совсем недавно, в мае 2013-го, после одной переделки ему пришлось прятаться за границей. Заграницей стала Турция, не какой-нибудь там Кемер или Мармарис, а Стамбул накануне событий на площади Таксим. Зверь бежит прямо на ловца. Линуха отличился и там, да так отличился, что угодил в международный розыск.)

Раздается рев мотора. Это тот самый трактор, что еще пару часов назад был брошен на произвол судьбы дезертиром-трактористом. Физически ощущается дрожь тех, кто по другую сторону. Пыхтящий мотором грейдер – это не старухи на рынке (а именно со старухами ранее и приходилось иметь дело пацанятам в погонах). Вдобавок на крышу кабины взбираются увешанные цепями хлопцы. Они устраивают шоу, обращая со своим грозным оружием не хуже Джеки Чана. (Наверное, так вели себя викинги-берсерки при решающем штурме крепостных стен.)

С нами Осман. Он отпросился у Олега, чтоб, как и в старые времена, попробовать себя в репортерском деле. Фотограф взбирается на узенький подоконник. (Может, у него

на спине липучки. Черт знает, каким макаром он умудряется удерживаться на десятке квадратных сантиметров и при этом еще менять объективы.)

Из трубы грейдера рвется черный дым. Почему никакого движения? Пробиваюсь через толпу поближе. Надо же, да тут старые знакомые! Спецотряд боевых кликуш, что пытался остановить нас на подходе к Майдану, теперь здесь.

Их тактика неимоверно эффективна. Дядьки и особенно тетки с обезьяньей прытью ныряют под колеса трактора с истошным воем: «Не треба крові!!! Це провокація!!! Пролететься кров!!!» Их пытаются выковырять из-под днища, но это труднее, чем вытянуть из захламленного закутка испуганную кошку. Они мертвой хваткой цепляются за каждую выступающую деталь, брыкаются, лягаются, проявляя безмерную отвагу и верткость. Как только одного смельчака удастся извлечь, в высвободившееся пространство тут же щучкой ныряет другой (или другая).

Следом в дело вступает бригада подвывал. Подвывалы тычут в закрытые лица повстанцев иконками, призывают к общему покаянию, бухаются на коленки и целуют ноги бойцов: «Нас бийте, синки, тільки б не крові!!!» Но разве дашь пенделя прокопченной воском и ладаном старухе? (Не удивлюсь, если выяснится, что под личиной некоторых богомолиц скрываются матерые атлеты со званием не ниже капитана.)

Ассиметричный удар власти оказался куда эффективнее

тройных кордонов. Передышка, подаренная летучим отрядом подложных пенсионеров, дала возможность ментам перегруппировать силы. Из-за линии оцепления в толпу летят газовые гранаты. Страна впервые в своей 23-летней истории в таком количестве глотает слезоточивый газ.

Мои личные взаимоотношения с этим инструментом общественного замирения сложились еще в начале лихих 90-х.

Неизвестный джентльмен в тривиальной пьяной драке выпустил в мое обличье целый баллон диковинной на то время «Черемухи». То ли алкогольные пары тому причиной, то ли особое строение слизистой оболочки, только я без единой слезинки отмутил того мужика и отобрал пустой баллон как непреложное свидетельство собственной доблести. (Расплатилась же за сей подвиг бедная мама. Застирывая мой плащ от подозрительного пятна, она выскочила из ванной, залитая слезами.)

На Банковой «Черемуха» на меня не действует, более забористая «Сирень» вызывает только легкое першение в горле. Светошумовые гранаты испугали лишь первым разрывом, но после службы в Советской армии возвращается привычка к громким звукам. Так что среди поднявшейся паники я выгляжу совершенно спокойным и очень себе нравлюсь, когда гордо, не пригибая головы, выхаживаю на вмиг опустевшем простреливаемом пяточке. Прямо-таки Багратион на Бородинском поле. (Различие одно: светлейшему князю осколком гранаты раздробило бедро, а мне осколок грана-

ты изорвал штанину и слегка оцарапал голень. Петр Иванович Багратион посмертно снискал великую славу, а я навсегда утратил очень хорошие джинсы.)

Но вскоре ребята в балаклавах оправляются от первого шока. В милицию летят камни. Сначала робенько – швыряться особо нечем. А потом пролетарское подсознание напомнило об опыте парижских коммунаров. Кто-то первый умудрился ломиком скovyрнуть брусчатку. Камень о камень, и из одного кирпича выходит по четыре отличных метательных снаряда.

«Тоже мне новость...» – скажет диванный всезнайка. Но до 1 декабря никто этого не делал. Целый век Украина не практиковала дробления мостовых на отдельно взятые булыжники. Кто-то научил...

Как верный апологет теорий заговора, шарю взглядом по толпе, отыскиваю «тайных учителей» – тех, кто проходил тренинги в сверхсекретных центрах подготовки цветных революций. Пытаюсь выделить мини-группки, что действуют более слаженно и умело... но не нахожу. Движение – именно броуновское, без намека на закономерность. Стихия взяла на себя роль «великого архитектора».

В тот день я не швырял каменьев. Сорок шесть – не двадцать. Черепаха из дюралюминиевых щитов для меня – не просто стена. Я физически ощущаю за панцирем людей. Им по девятнадцать-двадцать, как моему племяннику. Худосочные, только оторванные от дома и «Макдоналдса» – и сразу

в ад. Трехсотграммовый булыжник с острыми краями – это шлем вдребезги, раздробленное плечо или спина. Я слышу их колотящиеся сердца и дробь стучащих от страха зубов. (Совсем скоро, через два месяца, я перестану видеть в них людей, но не сейчас.)

И вдруг какофония стихает. Кто выключил звук? По толпе проносится: «Порошенко...» Взобравшись на парапетик к Осману, вижу, что море человеческих голов раздвигается, освобождая путь грузному, но явно энергичному человеку (точь-в-точь бычок из мультфильма «Буренка из Масленки-на»). Вслед за ним семенит похожая на «кота в сапогах» Ку-жель.

Телохранители помогают им взобраться на ковш грейдера, только для самих секьюрити места на произвольной трибуне не нашлось. Они остаются внизу и совершенно не знают, как себя вести среди безбашенных грязных, как черти, оборванцев. Каменномордые верзилы вмиг позабыли о своих шефах и пугливо, словно институтки на ярмарочной площади, вертят головами и прижимают поближе к телу свои драгоценные пистолеты и рации.

В руках оратора появляется мегафон. Четыре-пять нарочитых покашливаний заставляют толпу окончательно притихнуть. Почему хулиганы и провокаторы замолкли?

Петр Алексеевич не может похвастаться политической известностью, однако накануне принадлежащий ему 5 канал, в отличие от других каналов, назвал разгон студентов пре-

ступлением. Это заслуживало уважения, как и то, что Порошенко – единственный из политиков первого эшелона, не побоялся явиться среди буйствующей толпы. (Быть может, этот смельчак и есть новый Моисей, что возьмет да и ударит посохом в землю? И разверзнутся милицейские заслоны, как воды Красного моря пред иудеями...)

Даже самые авторитетные вожаки молодежного бунта застывают, вытянув головы, лишь тихонько пошикивая на своих беспокойных соратников... Однако уже после первых фраз из тысяч легких вырывается вздох разочарования. Моисей оказался не мессией, а самым обычным бытовым Мойшей, типа: «И вы правы, и мы правы, и все правы».

По инерции минуту-другую его слушали, но вот мегафонный глас заглушает возмущенный рев. А следом случается то, что будущий президент запомнит на всю жизнь... После фразы о провокациях и провокаторах ему, хозяину огромной шоколадной империи, орденоносцу, министру, советнику трех президентов, загадочный «некто» дает циничного пинка под зад. Будущий президент валится на руки растерянных телохранителей, как куль соломы. А на его спину, вереща и кудахча, спархивает Кужель.

Следует отдать должное Петру Алексеевичу; он не побоялся снова вскарабкаться на импровизированную трибуну. Но его мегафон уже умыкнули, да и все внимание с оратора-неудачника переключается на совсем иное зрелище. Из человеческой гущи вылетает бутылка с горящим фитилем, и

по ее приземлении за линией милицейских кордонов взмывает столб пламени. Это первый «коктейль Молотова» новейшей истории Украины.

На огонь, как известно, можно смотреть бесконечно. Сполохи первых молотовских коктейлей вернули молодым пацанам право называть себя хищниками, а не травоядными.

Нет ничего необычного и ненормального в том, что милиция, получив подкрепление «Беркута», пошла в атаку и надавала нашей босоте пенделей. А что, нас должны были одарить медалями Pour la merrite? Зашивая рассеченные дубинками головы, шестнадцати-семнадцати-восемнадцатилетние ребята не пошли снимать побои, «катать ябеды» в европейские суды, «волать» о бесчеловечной расправе над мальчиками... Они полезли в Интернет искать рецепты горючих смесей и чертежи самострелов.

Феникс сельского майдана-2004 сгорел в огне первого мыльно-бензинового коктейля и заново родился в облике пятнадцатилетнего прокопченного дрыща с пылающей бутылью в руке. (Село с хрущами, вышиванками, кобзарями и юродивыми в лохматых шапках осталось на провонявшейся ладаном и кулешом майданной сцене.) В бой вступил анонимус из спальных районов, интернет-клубов, фанатских качалок, прокуренных политклубов и сверкающих белизной офисов.

Мы не встретились с моей любовью в тот вечер... Ее рыжая шевелюра мелькала где-то рядом, но затерялась в споло-

хах огней. Совсем скоро она покажет мне заштопанную прореху на грязно-розовом пуховике и расскажет, как растянулась на брусчатке во время атаки «Беркута».

Упади она со мной рядом – я б и не оглянулся. Слишком много ярких картин стояло перед глазами, чтоб разглядеть сквозь них чумазую девушку – одну из тысяч. Да и не мог я ее заметить, ибо драпал не по возрасту быстро, то обгоняя Андрюху, то отставая от него.

Мы нарушили главный наказ Линухи – разбежаться врассыпную. В мятущейся толпе я заметил его черную куртку. (Кто б мог знать, что в следующий раз мне доведется встретиться с нашим другом только через два с половиной месяца.)

Невзирая на нарушение инструкций, мы не попались. Нас не затоптала «беркутня», нас не выдернули люди в штатском и не затолкали в невинный подъезд, соединенный подземными ходами с мрачным зданием Администрации Президента. В отличие от десятков товарищей, нам не пришлось с мешками на головах трястись в автозаках или на сидучках микроавтобусов с тонированными стеклами в неизвестность...

Отдышаться удалось только в Пассаже. Там нас ждал Олег. Его вовремя увели с Банковой. Одно дело – попасться нам. Есть шанс потыкать журналистскими корочками, клянясь, что выполняли редакционное задание. Депутат – другое дело.

А пока срочно требовалось собраться с мыслями. Послед-

ним в кофейне появился Осман. Ему досталось крепче всех. Даже не ему, а драгоценной фотокамере. Мы сочувствовали, пока не осознали, что эта потеря – фигня по сравнению с тем, что теперь грозит всем нам.

Олег посмеивается. (Хорошо вам смеяться, Олег Валерьевич. У вас депутатская неприкосновенность.) Хотя какая к черту неприкосновенность? Страна еще ни разу не сталкивалась с попыткой государственного переворота. А события на Банковой запросто можно квалифицировать именно как вооруженное выступление.

– С днем рождения, Олег!!!

– Дякую, хлопці...

Телефон Олега разбит. Трубка Андрюхи разрывается от звонков. Большая часть – с незнакомых номеров. Явно журналисты. Ляшко – единственный из народных депутатов, зафиксированный на Банковой.

Долго играть в молчанку нельзя. Можно отморозиться. Сказать, что очутился в толпе случайно. Можно даже не осуждать провокаторов, как это сделали вожди оппозиции, а спрятаться за туманными формулировками. Но... На дисплее телефона высвечивается: Радио «Свобода».

Олег сам берет трубку и через двадцать секунд четким и чеканным голосом заявляет: «То, что случилось сегодня на Банковой, есть начало революции. Режим Януковича доживает последние дни... возможно, недели». Все... Рубикон перейден! Мосты сожжены не только для Олега, но и для

всех нас.

В этот же вечер я поехал на 112 канал и в прямом эфире передал слова народного депутата Олега Ляшко. (Вот так, даже не написав соответствующего заявления, Марк Гресь впервые в своей жизни стал членом партии. И не какой-нибудь партии, а Радикальной, со всеми вытекающими последствиями.)

Почему все случилось так? Отрекись тогда Олег Валерьевич от Банковой – Лиса бы назвала его предателем и не поехала бы через две недели в стылый Обухов, и не взяла бы с собой рыжеволосую подругу. (И мы бы не встретились. И не грыз бы я подгоревшего омара в далекой теплой стране, пряча взгляд от ее сине-зеленых глаз.)

* * *

*Если бы слоны могли скакать по веткам, как макаки, мир бы остался без деревьев. Каждому свое.
Из книги «Наставления августейшему наследнику» короля
Пхумипона Адульядета Рамы-9*

И был вечер второго дня. Мы – в ресторане морепродуктов. Наш человек почему-то представляет одним из главных элементов «сладкой жизни» поедание клешней огромного омара. Заказываем омара, креветок и осьминога. Сидим. Ждем.

– Марк, ты ведь сам согласился разойтись. Сразу согла-

сился.

– А что я должен был сказать: «Остановись, недостойная, ты сгубила мне жизнь, а теперь хочешь удрать?»

– Я не хотела удрать. Я сказала, что мне не хватает свободы. А ты сказал: «Ты свободна», будто сам меня подталкивал.

Молчу. А что сказать? Что в тот момент я охренел? Что жизнь моя перевернулась? Да!!! Охренел я. Чуть со стула не е...улся. «Медальон» телячий поперек горла стал и так крепко, что хоть пальцем проталкивай.

– Знаешь, если бы ты сам меня не подталкивал, я бы и не сказала.

Ну, что эти бабы – на курсы ходят: «Как сделать мужика виноватым во всем...». И в первую очередь в том, что от него хотят уйти.

Вовремя подносят еду и коньяк. И кто придумал, что все эти морские гады восхитительно вкусны? Какая-то резина... Нет, жуется хорошо, но вкуса никакого. Или просто кусок в горло не лезет? Да нет, просто невкусно. (Когда две недели назад в ресторане она сказала, что хочет свободы, я же нормально доел суп «Мерлин» и «медальоны» из телятины доел... Просто морепродукты – дрянь, пусть их едят морские народы.)

Как-то в городе морской славы Севастополе я вырвался с заседания жюри театрального фестиваля. Скучнейшее мероприятие... Заглянул в ближайший ресторан. Думаю: зака-

жу-ка морской дряни, все ж таки город морской. Вслед за мной в это же заведение заглядывает народный артист театра и кино Василий Лановой. Он возглавлял жюри, но нас лично не знакомили. Потому, случайно встретившись взглядами, мы ограничились лишь вежливыми кивками.

Василий Семенович занял столик неподалеку и также заказал осьминогов и морских гребешков. Отобедали. Вернулись порознь на представление, оно проходило на арене древнего херсонесского амфитеатра.

Спектакль оказался ужаснейшим и длился черт знает сколько времени. Чувствую – нехорошо. Поначалу подумал: легкое переутомление. И вдруг, в животе – «бульк», затем еще один «бульк». Брюхо пошло стремительно вспучиваться, будто накануне Марк Викторович проглотил малька киношного «Чужого» и сейчас в бурлении желудочных соков зарождается инопланетная жизнь.

Искося поглядываю на Ланового. Какое лицо... Какая царственная осанка... Но замечаю – ерзает, а в благородном взгляде нет-нет, и проскальзывает девичий испуг.

Уйти неудобно, я все же – член жюри. Актеры могут подумать – не угодили. Случись подобный конфуз в театральной ложе – еще можно незаметно выскользнуть и сходу отыскать вассерклозет. А здесь – амфитеатр посреди археологического заповедника. (Где сортир??? Полцарства за сортир!!!)

Лучи софитов гаснут. О боги!!! Неужели конец? Но не тут-то было. Оказывается, сей световой эффект был приду-

ман специально для маскировки выхода артистов на ходулях. Великаны изображали богов разнонаправленных ветров: Зефира, Борея, Нота и Эвра. А у меня в животе уже всюду играет Эолова арфа.

(Все, хватит! К черту приличия! Еще не хватало обоссаться перед всей театральной общественностью.)

Срываюсь с места и почти бегу, легко перемахивая высокие известняковые ступени. Пулей вылетаю из амфитеатра. По одну сторону – море, по другую – храм, где принимал крещение святой Владимир, на востоке – Херсонесский колокол. О-ооо, на западе виднеется роша.

Морской свежий ветер хлещет в лицо. Звезды указывают путь. Под сенью древних кипарисов в свете одинокого фонаря прорисовывается силуэт искомого здания. Двери распахнуты. Влетаю в кабинку и сбрасываю штаны...

Я не одинок. В соседней клетушке кто-то есть. И этот «кто-то» явно мучим тем же недугом. Хвала богам, все нужды справлены. Принимаюсь мыть руки. И тут из соседней кабинки выходит счастливый и сияющий, знаменитый исполнитель роли Карла Вольфа из «Семнадцати мгновений весны» и Вронского в «Анне Карениной».

(Василий Семенович Лановой совсем не выглядит на свои 80 с лишним лет. Он выбежал из амфитеатра позже меня, а занял свое место в сортире раньше... А вы говорите – возраст.)

– Василий, – представился он. (Рукопожатие в данной си-

туации выглядело бы странным.)

– Марк, – ответил я с легким поклоном. – Чтоб меня еще хоть раз черт дернул есть эту гадость...

– И спектакль дерьмо, – согласился великий артист.

Дотянуть в воспоминаниях до последующей попойки в компании мэтра театра и кино я не успел, очнувшись от ее голоса:

– Ничего, ты скоро найдешь себе другую женщину? У тебя вон сколько их до меня было.

Да заткнись же ты!!! Много у меня их было, много... И будет еще сколько-то... Только ты для меня перестанешь быть!!!

– Слушай, – говорит она, – я не могу есть это дерьмо. Пойдем в номер, чего-нибудь закажем.

Вечер второго дня заканчивается привкусом жареной картошки на ее губах. После несъеденного ужина (за двести с лишним баксов) мы наслаждаемся наступлением ночи и жалким тайским подобием «Макдоналдса».

День третий

Утро третьего дня – прекрасно... Я потихоньку свыкаюсь с тем, что мы расстаемся. Эта мысль даже начинает нравиться. В голове копошится целый список дам, с кем бы неплохо закрутить роман по возвращении.

Мысленно сравниваю ту, что завтракает рядом со мной, с теми, с кем завтракал в былые времена (а потом прятался или делал вид, что болен). Какого хрена я в ней нашел? Даже солнце и то не интересуется ее блеклой кожей. Ох, как бы они порадовались за меня сейчас – Оли, Вики, Тани...

– Плющит, Маркуша? Видим, что плющит. И нас плющило. Поделом. Бог все видит, Бог все знает. Вон, послал тебе кикимору. А она – молодец!!! Вернетесь – ты будешь сопли лить, а она – в постель к твоему другу прыгнет да еще и пойдет трепать, что член у Марка меньше. Ма-ла-дец! Физкульт-привет!!!

– Да заткнитесь вы!!!

– У Маркуши меньше... У Маркуши меньше...

– Не сейчас...

– А когда? Когда умрешь? Тогда черти будут это долдонить и каждую из нас тебе вспомнят... Сгоришь в аду, потом родишься и снова сгоришь.

– Да я уже сгорел, чертовы ведьмы...

За два дня моя декабрьская белая кожа стала пунцовой.

(Блин, стореть под Новый год! Вот они элементы сладкой жизни...)

Наш отель расположен на берегу океана. Обычно с террасы ресторана открывается великолепный вид на залив. Но сегодня он омерзителен. Турагентство нас не предупредило, что в данной местности ежедневно наблюдаются отливы. Школьные учебники по географии сему природному явлению не уделяли особого внимания. Потому отлив представлялся ученикам каким-то элементарным отступлением воды от береговой линии. Мол, прошел чуть дальше и купаешься себе.

Но вот приходишь на террасу с видом на океан и обнаруживаешь, что океана – нет. Почти до самого горизонта вода превратилась в сушу с мелкими лужицами. Эй, морской царь, верни воду, я же деньги заплатил за прекрасную панораму. Только морскому царю глубоко плевать на обобранного турагентами фаранга.

Берег уродлив, и я ищу уродство в той, что сидит напротив меня и помешивает ложкой мюсли. Получается. Лицо длинное (в быту называемое лошадиным), широкая переносица, крупный нос, уши – как у Будды, выгоревшие брови и ресницы. Чего-то – слишком много. А кой-чего – недостает. И как меня угораздило написать ей год назад:

19.12.2013. 18.44

– Почти влюблен...

И не сплунуть трижды, получив ответ:

19.12.2013. 18.45

– Почти польщена.

Утром третьего дня я вспоминаю, как на заре наших отношений она, будто обмолвившись, назвала себя *femme fatale*. Да ни хрена не обмолвилась. Глубоко сидят эти красивые словечки под девичьими черепными коробочками. (Блин, в двадцать лет считать себя женщиной-вамп только потому, что когда-то тебя любил один пьяница, но ты его не любила, потом любил другой пьяница, и ты его любила...) Я ржал. Она делала вид, что не обиделась... но обиделась. И вот теперь стал мне этот смех поперек горла...

Может, ты и вправду *femme fatale*? Не с чем сравнивать. Марк Викторович сорок шесть лет прожил на свете и ни разу не встречал роковых женщин. (А может, просто не знал, что они роковые? Не дал им обозначиться, прячась в прозрачном, но пуленепробиваемом коконе...)

У Герберта Уэллса есть рассказ о том, как мальчик забрел в неизвестное место и увидел зеленую дверь в длинной белой стене. За этой дверью открылся сказочный мир, наполненный абсолютным счастьем. Мальчик очень хотел остаться в царстве дивных зверей, растений и красивых людей, но испугался, что заругают родители, и побежал домой. Он думал вернуться сюда на следующий день, только не нашел белой стены.

Мальчик рос, стал уважаемым джентльменом и парламентарием. Но каждый день бродил по городу в поисках утерян-

ного рая. В одно прекрасное утро его тело отыскивали в строительном котловане. Опасный объект был огорожен забором с единственной зеленой дверью, которую по недосмотру оставили незапертой.

Я в детстве тоже нашел эту дверь и не забыл о ее местонахождении. Навесил на скобы огромный замок и ходил туда один, никого не ведя с собой (даже тех, кого любил).

Как эта ведьма выведала мой секрет? Наверное, по пьяни... Вытянула из кармана ключ, приперлась туда с вещичками и разложила на томном берегу сказочной реки мыло, зубную щетку и шапочку для душа...

* * *

Хитрее женщины только обезьяны, а хитрее самки обезьяны нет никого.

Из книги «Наставления августейшему наследнику» короля Пхумипона Адульядета Рамы-9

– Издревле гевею называют золотым деревом. И это неспроста...

Мы едем на экскурсию в буддийский монастырь, а гид какого-то черта трещит не о главных течениях буддизма – махаяне и хинаяне, а о гевее, блин, каучуконосной. (Не произрастала гевея каучуконосная в дивном саду моей души.)

– Помимо того, что гевея считается лучшим каучуконосным деревом в мире, из нее также делают прекрасную ме-

бель. Благодаря клейким млечным жилкам внутри ствола, древесина получается прочной и долговечной, и ее не грызут насекомые.

Вот же, блин, какое замечательное дерево. На хрена мне знать, что лучшими годами для производства каучука являются 8 и 9 годы жизни растения? Я же не собираюсь ее выращивать на приусадебном участке. И не смогут мои семилетки-близнецы Витя и Шура справиться на шестнадцатилетие по паре великолепных галош собственного производства, ибо померзнет гевея в краю, где на первое мая могут ударить заморозки.

Я же еду в буддийский монастырь для поиска мудрого старца. Чтоб тот прочитал древнюю сутру, дунул мне в нос и вмиг погасил огонь поздней страсти. Но нет, разработчики туристического маршрута решили, что перед тем, как научиться тихо любить все человечество, фаранг должен насквозь пропитаться к нему ненавистью.

Автобус сворачивает с главной трассы к небольшому зданию с изображением огромного матраца. Ага, теперь понятно, почему гид так много говорил о дивных свойствах резинового дерева. Нас везут на фабрику по производству каучука и изделий из каучука.

В принципе, Марк Викторович – человек любознательный, открытый для новых знаний. Я предполагал, что за дверьми фабрики трудолюбивые тайцы продемонстрируют весь цикл производства каучука от выдаивания млечных

жил до производства, скажем, изделия № 2 (так в СССР называли презерватив). Однако за воротами, вместо подобия политехнического музея, взору открывается широкий двор, посреди которого произрастает единственное дохлое дерево со стволом, истерзанным, как тело прикованного к скале Прометея после очередного визита орла. (Тот, как известно, завтракал, обедал и ужинал плотью титана-огнедарителя, а в перерывах между трапезами выеденные части вновь отрастали – даже печень.) К стволу гевеи каучуконосной подвязана жестяная баночка из-под кофе, на дне которой мутнеют две сизых капельки.

Наша «гидша», как снегурочка на елке, то ускоряя, то замедляя шаг, наматывает круги вокруг скудного ствола, рассказывая, что одно дерево дает порядка двух литров млечного сока в сутки. На мое замечание о том, что в баночке накопилось всего две капли, находчивая дама сообщает, что днем дерево не дает ни хрена, а вот ночью из всех древесных пор аж хлещет. Но за ночь все добро нужно собрать, иначе драгоценная жижа скиснет и потом из нее не лепишь даже паршивой затычки для ванной.

И тут один из добавленных гидом примечательных фактов раскрыл мне тайную сторону счастливого Таиланда, и образ его венценосного короля несколько поблек.

Оказывается, ночной сбор драгоценного сока – не романтическая прогулка с бочонком. В ночи на свою охоту выходят кобры исполинского размера, и каждый год от их укусов

гибнет множество бирманцев.

Стоп, а почему именно бирманцев, а не тайцев? Мы в Бирму заехали? Верните меня назад! Я слушал политинформации в школе. В Бирме – реакционное правительство, там монахов жгут, нобелевскую лауреатку посадили в острог. А еще можно схлопотать по пяткам суковатой палкой, если забыл отсалютовать портрету президента.

– «Нет, уважаемый», – отвечает мне лживая провожатая. – Мы не выезжали за границы королевства. Просто Бирма – очень бедная страна, и тысячи бирманских рабочих приезжают в счастливый Таиланд на заработки».

Тут во мне уже выиграло классовое сознание. Ага, значит, здесь буйным цветом цветет эксплуатация одного народа другим. Значит, счастливый таец сидит себе в чистом офисе с кондиционером и торгует ортопедическими каучуковыми калошами. А несчастный бирманец бродит босой ночью по плантации с бочонком, не зная, где окажется утром: в своей жалкой лачуге или в морге с откушенной коброй ногой.

Заметив огонек классовой ненависти в моих глазах и осознав, что сплеховала, дама начинает хитро изворачиваться. Мол, любимая дочь короля возглавила кампанию по спасению укушенных змеями, и ныне на плантациях гибнет вдесятеро меньше бирманцев, чем еще несколько лет назад.

Я хотел назвать ее наглой вруньей, но та сразу же потащила не вовлеченных в диспут туристов в выставочный зал, где с ходу поразила женскую половину демонстрацией голо-

графических изображений жутких чудовищ. Эти чудовища оказались увеличенными в несколько сот раз зловредными постельными клещами, что живут в наших пуховых подушках и одеялах. Днем они пожирают подушечно-матрацную набивку, а ночью вгрызаются в человеческую плоть. Мало того: когда эти твари умирают – их иссушенные тельца взмывают в эфиры внутрикомнатного пространства, мы их вдыхаем и корчимся в муках астматической болезни, хронических бронхиальных колик и аллергического сепсиса.

Но есть спасение – матрац, на изготовление которого ушло 800 литров сока гевеи каучуконосной! При покупке матраца – две целебные подушечки в подарок. Я задаю резонный вопрос: «Если ваша продукция столь целебна – то и паразитам в ней должно житья недурно, как в санатории?» Но гид, не развивая дискуссии, широко взмахивает рукой, и раскосые гарсоны начинают вносить те самые спасительные матрацы, охапки подушек и подушечек-думок, что спасут от остеохондроза, геморроя, рака прямой кишки и позвоночных протрузий. Всем присутствующим предлагается помять образцы в могучих руках, а в соседнем зале можно прилечь на любезно предоставленных кроватях во весь рост и даже попрыгать.

Изобразив желание тотчас же апробировать упругость инновационного продукта, мы с моей спутницей выскальзываем из зала на улицу покурить. Наш гид совсем не возражает и даже всем видом демонстрирует поощрение.

У выхода толпятся менее любознательные мужики, которым удалось эвакуироваться пораньше. Они с тоской поглядывают на работающий бар, и с еще большей тоской – на двери, из-за которых доносятся восторженные упругостью подушек возгласы их супругов.

Я же на барную стойку гляжу смело, пружинящей походкой приближаюсь к галерее бутылок и делаю заказ: двести граммов Absolute плюс два ломтя арбуза. Глаза русских, украинских, казахских мужиков подергиваются густой пеленой чернейшей зависти, ибо по всему было видно, что их дражайшие супруги позволяют сильной половине полироваться только пивом.

Моя любовь мне позволяет все, как вампир, выгуливающий жертву перед генеральной дойкой.

Двести граммов водки в тени раскидистого баньяна... (Ты снова тычешь в Фейсбук, а я тычу в себя, мотаю ленту памяти, отыскивая миг, когда судьба решала кому стать вурдалаком, а кто сам подставит шею под заточенный клык.)

* * *

Желающий съесть плод – трясет дерево или лезет на дерево. Можно, конечно, долго молиться Будде. Но вместо падения плода дождешься тигра или будешь обгажен обезьянами.

Из книги «Наставления августейшему наследнику» короля

Революция, что началась так бурно и радостно, за пару дней деградировала до унылого говна. На Майдане возвели сцену с огромными колонками, несколькими полиэкранами и красивыми растяжками с красивыми словами и частым упоминанием имени Бога (что грешно). Щедро удобренная соплями, свечным воском и натоптанной золой от полевых кухонь сценическая площадка буйно проросла талантливыми артистами и попами.

Концертные номера сменялись часовыми проповедями, проповеди – клятвами держаться до какого-то там конца. Банковская возложила всю ответственность за события 1 декабря на «Братство» Дмитрия Корчинского. Вожди оппозиции ответили: «Гип-гип ура!!!»

Дмитро Корчинский – один из самых любопытных политических vip-персонажей всех лет украинской независимости. Еще в конце девяностых Дмитрий Александрович прослыл Гудвином – великим и ужасным. В песенке стражников из советского мультика «Волшебник Изумрудного города» есть такие слова: «Живет волшебник, может быть, а может быть, и нет». Так вот это о нем. Вроде бы – великий, вроде бы – ужасный, вроде бы есть он, а может быть, и нет его вовсе.

Нынешнее поколение вряд ли может осознать, что совсем недавно в этой стране не было мобилок, ноутбуков, Интернета и даже телевидения. Нет, телевидение было, но украинского – не было. Вернее, украинское телевидение было,

но как бы и не было. Во всяком случае – украинских новостей. Вся информация об общественной жизни постсоветского пространства черпалась из новостийных выпусков ОРТ и программ студии «Взгляд».

Независимая Украина прекрасно ориентировалась в хитросплетениях кремлевской политики, но ничего не знала о том, чем живет их Родина. Останкино иногда вспоминало нашу страну, и мы узнавали, что в 50-миллионной державе присутствуют Кравчук, Кучма и... УНА-УНСО во главе с Корчинским. (Последний организовывал факельные шествия, военные походы в Приднестровье, Абхазию, Чечню и на завтрак ел детей.)

Впервые мне удалось встретиться с этим ужасным человеком в 99 году. Я готовил документалку к очередной годовщине Независимости и решил насытить содержание скандальными персонажами. Отказа не последовало. Встреча была назначена в какой-то кафешке. (Мурашки по коже. Вот сейчас я и увижу настоящего бандеровского каннибала.)

«Бандеровский каннибал» уже ждал меня за дальним столиком и вместо москальского младенца с удовольствием уплетал большое кремовое пирожное. Признаться, Марк Викторович ожидал встретить качка в униформе, со свастикой на рукаве, а увидел стройного человека в джинсах, мокасинах на босу ногу и в рубашке (то ли в горошек, то ли в мелкий цветочек). Седая голова – даже седее, чем у меня, черные усы и темно-карие глаза. Никак не могу уловить его

взгляда. (Даже если Корчинский смотрит прямо на тебя, хочется оглянуться: а вдруг за спиной есть кто-то еще?)

Как ни странно, ветеран всех людоедских войн говорит очень тихо. Даже непонятно, как он мог оглашать строевые команды. А может, ему и не нужно произносить их громко. Людям, сделавшим выбор идти с Д. К., не требовалось голосовой муштры. Они подчинялись и до сих пор подчиняются отвлеченному взгляду, едва заметному мимическому движению, скупому жесту.

Именно этому человеку удалось сделать революцию профессией, ему же удалось породить и выпестовать поколение революционеров классического образца (со всеми их плюсами и минусами).

Однако, при всем уважении, Дмитрий Александрович Корчинский со своими двумя десятками бойцов (из которых чуть ли не половина – девушки) не смог бы собрать несколько сотен тысяч человек на Майдане и направить молодежь на штурм Банковой.

Но власть должна отыскать Карабаса-Барабаса. Причем такого, что, дергая за нитки кукол, сам является марионеткой в руках некоего Черного Властелина. Д.К. прекрасно подошел на роль Великого Провокатора.

Начиная с 1 декабря всякий, кто осмеливался заговорить о насильственной смене власти, становился подручным жалкого наймита Корчинского – агента мирового империализма, коммунизма, пацифизма, милитаризма, сионизма, пан-

славянизма и пантюркизма.

Дмитрий Александрович не желал стать очередным узником совести, вовремя ушел на нелегальное положение и тайно покинул пределы Украины. (При обыске в его квартире были обнаружены: танк, два чемодана с радиоактивным торием и фото Усамы бен Ладена с дарственной надписью.) В одну ночь мы лишились многих друзей. Одних арестовали, другие, в том числе и Линукс, исчезли, соблюдая все правила конспирации, не оставив ни телефонов, ни адресов квартир, ни работающих профилей в соцсетях...

Теперь никто не может посягнуть на духовное лидерство Труса, Балбеса и Бывалого. Никто более не мог помешать Виктору Федоровичу Януковичу спокойно просыпаться, завтракать, обедать, ужинать, отправлять естественные надобности и отходить ко сну. Майдан обрастал палатками, биотуалетами, кухнями, деревянными и вещевыми складами и даже храмом, где по полному церковному чину проводились службы.

* * *

Один хитрый удад, узнав, что змея хочет съесть его яйца – поклялся взамен принести яйцо со стола самого короля... И принес... Это было самое большое, самое белое и самое круглое яйцо, которое видели в джунглях. Змея проглотила его. Все птицы и звери в

округе отдавали ей великие почести, пока та не порвала жопу и не издохла. А целое и невредимое яйцо хитрый удод вернул в королевскую бильярдную.

*Не все, что хорошо вошло – так же удачно и выйдет.
Из книги «Наставления августейшему наследнику» короля
Пхумипона Адульядета Рамы-9*

А мы сидим в Обухове. Выборы продолжаются. Пару-тройку декабрьских дней телевизор в штабе еще был включен на прямую трансляцию с Майдана. Но совсем скоро на экран перестала оглядываться даже уборщица. Настроенные двоякое. С одной стороны – сумасшедший рост популярности Ляшко и скачок рейтинга Андрухи. А с другой – понимание того, что на нашем округе будет задействован весь ресурс Администрации Президента. (Кандидат от единственной партии, поддержавшей «бунт на Банковой», не должен победить ни при каких обстоятельствах.)

Наши с Андрухой телефоны резко начинают быковать. То сигнал задерживается, то иконки на дисплеях начинают сами по себе исчезать и вновь устанавливаться. Прослушка. Посмеиваемся. Но под ложечкой сосет. Что завтра? Что если Янукович договорится с оппозиционной тройцей? Начнутся какие-то переговоры. Майдан потихоньку разойдется. А когда буря уляжется, будут спущены псы. Не на майдановцев. А на тех, от кого отрекся и Майдан, и даже зарубежные демократии. (На нас!!! На провокаторов и наймитов закордонной закулисы.)

Думаю о себе: блин, как все было хорошо... Посадить – быть может, и не посадят. Но с работы на государственном канале вылечу – как пить дать. О халтурах на Администрацию Президента однозначно можно позабыть. С киношной деятельностью – тоже вопрос. Основной заказчик – Москва, а Москва не любит смутьянов. (Какого хрена я не сказался больным 1 декабря 2013 года?)

08.12.2013. 17.44

– Там твоего Леніна збираються зносити.

Андрюхино сообщение от 8 декабря окончательно вогнало меня в депрессию. Я человек левых убеждений. У меня есть вопросы и к Марксу, и к Ленину, тем более – к Леониду Ильичу Брежневу. Но окончательно декоммунизировать Марка Викторовича можно только посредством гильотины.

Мне приходилось много работать с Витренко, Морозом и Симоненко. Очень уж хотелось вдохнуть новую жизнь в старые, как мир, идеи равенства и социальной справедливости. С Петром Николаевичем даже довелось поиграть в пророка.

Осенью 2010-го я написал главному коммунисту большую докладную записку. Ее содержание сводилось к тому, что держаться за режим Януковича не имеет никакого практического смысла. Колосс рухнет и под своими обломками похоронит и Коммунистическую партию, и левую идею. К записке прилагался план действий по переходу КПУ в непримиримую оппозицию. (Ну, сумели же в 2002-м объединиться

Симоненко, Мороз, Тимошенко, УНА-УНСО и Левко Лукьяненко?)

Эта докладная записка стала последним эпизодом нашего долгого сотрудничества.

Вакханалия на Бессарабской площади ранила меня вовсе не с идеологической точки зрения. Просто война с памятниками, как я считаю, – высшая точка плебейства. В 2009 году мой нынешний друг Мыкола Кохановский сделал попытку уничтожения того же изваяния. Но он делал это практически в одиночку, осознавая, что прямо с места преступления отправится в тюрьму. А 8 декабря толпа крушила кувалдами гранит, зная, что за это ничего не будет.

Первая попытка сбросить Ленина с пьедестала состоялась неделей раньше. Те, кто побоялись штурмовать Банковую, решили сорвать злобу на памятнике. Но пара десятков милиционеров без усилий остановила погромщиков. Отчаянные смельчаки и сорвиголовы решились только на хоровое исполнение гимна.

Три с половиной тысячи лет назад могучие стены Иерихона рухнули от зычного гласа медных труб. Повторить подвиг еврейских трубачей исполнителям гимна не удалось. Жиденькая стенка из милицейских щитов даже не дрогнула. Героям пришлось смело и гордо убраться восвояси.

Восьмого же декабря охранявшие монумент заслоны почему-то были сняты. У пьедестала шаталась лишь пара патрулей. Власть будто приглашала толпу: «Сюда! Скорее!!! У

вас накопилась агрессия, так выплесните же ее, и продолжайте себе дальше петь, плясать и молиться!» Толпа двинула. Милиция получила приказ «не мешать» – и не мешала.

В моей телефонной книжке сохранились несколько номеров лидеров Компартии. Звоню. На одних – длинные гудки, на других – «Абонент находится поза зоною досяжності». Ответ, Петр свет Николаевич!!! У тебя есть шанс остаться живым в политическом смысле. Выведи хоть пяток человек. Отхвати пару плюх по сытым щекам, пади в крошево красного карельского кварцита и тем заслужи политическое воскрешение. Но ты сидишь в спортивках и кофте, наминаешь плюшки и боишься снять телефон, на дисплее которого мерцает мое имя.

Эх, почему я не в Киеве? Почему не стою один пред бующей толпой с подрагивающими коленками, но плотно сжатыми кулаками? Извиняй, Петр Николаевич, я знаю, как обращаться с видео. Кадры моего побоевания разошлись бы по всем новостийным ресурсам, и недельки через две меня, истерзанного, но гордого Марка Греся, на руках бы вынесли из больнички недрогнувшие пролетарии. И был бы у Компартии новый вождь. И 15 декабря я не сидел бы в Обухове и не смотрел в ее глаза сквозь стекла пузатого коньячного бокала. Но... не случилось.

15 декабря 2013 года Виктор Федорович Янукович решил доказать стране и цивилизованному миру, что у оппозиции в стране поддержки нет. Свидетельством тому должны были

стать результаты довыборов в Верховную Раду по пяти округам. (В том числе и по округу номер 94.)

Радикальная партия шла ко дню выборов долгих три месяца. Еще две недели назад Андрей Лозовой замыкал первую пятерку. А теперь соцопросы дают нашему кандидату первое место. Только результат нужно еще отстаивать. Именно для помощи в отстаивании результата и появилась в городе Обухове Лиса с десантом «движущихся». В этой теплой компании можно было увидеть и одну рыжеволосую девушку.

Для чего избирательным штабам необходимы журналисты или те, кто таковыми представляются?

Вот, в жизнь не поверите: в государстве под названием Украина официальные результаты выборов не всегда совпадают с реальным волеизъявлением граждан. (Шутка.) На самом деле результатов может быть не только два – честный и нечестный, а гораздо больше:

1. Реальное количество отданных голосов.
2. Результат подсчета голосов на избирательном участке.
3. Результат сведения данных с участков в территориальной комиссии.
4. Результат, который будет передан из территориальной комиссии в Центральную избирательную комиссию.
5. Результат, который будет озвучен главой Центральной избирательной комиссии.

Главная задача избирательного штаба оппозиционного кандидата – свести до минимума разницу между пунктом

№ 1 и пунктом № 4. Пункт № 5 – задача других специалистов.

В 2012 году Марку Викторовичу довелось поработать в городе Ирпене на одного оппозиционного мажоритарщика. Тот боролся за депутатский мандат не с кем иным, а с пресловутым хозяином Налоговой академии Петром Мельником (с тем самым, после сбежавшим из-под домашнего ареста за кордон).

В день выборов по округу творилось черт-те что. Петр Владимирович начал подготовку к выборам еще за квартал до дня голосования. В общежитии Национального университета Государственной налоговой службы были временно прописаны около тысячи человек. В некоторых городских квартирах Ирпenea, Боярки и Вишневого вдруг оказалось по несколько сотен жильцов. Пришло самое время позаботиться о главах, заместителях и секретарях избирательных комиссий.

Согласно действующему законодательству, каждая партия, принимающая участие в выборах, подает свои кандидатуры на эти должности. Каждая фамилия записывается на бумажку, та вкладывается в конвертик, после чего все конверты помещаются в барабан.

Мы с кандидатом с нетерпением ждем приглашения на данное действо. И вот приходит официальная бумага с подписью главы территориальной избирательной комиссии. В воскресный солнечный день отправляемся по указанному адресу. Но проходная завода полиэтиленовых изделий оказа-

лась закрытой. Стучим в дверь – никакой реакции. Стучим настойчивее, еще настойчивее. И тут из домофона доносится голос сонного вахтера: «Какого хрена колотитесь? Дверь сломаете». Оказалось, что в воскресный день проведение каких-либо мероприятий на территории завода не планировалось. Мы – за телефоны. Голос секретарши главы ТВК сообщает, что жеребьевка проходит в данный момент в другом конце города, в фойе завода промышленной изоляции.

Приезжаем. Проходная завода окружена кордоном милиции. За кордоном прохаживаются группы молодых спортсменов. А перед ним уныло толкуются кандидаты от «Свободы» и «Батькивщины». Они также получили письма с подложными адресами, и теперь их не пропускают. Пытаемся пробиться. Милиция упирается. Назревает драка, но тут следует телефонный звонок. Какой-то солидного вида мужик дает знак впустить оппозицию в зал. Глава избирательной комиссии назвал вновь прибывших «опоздалкиными» и сообщил, что жеребьевка уже закончилась. Процесс, мол, проходил в атмосфере честности и открытости, в присутствии телекамер. И... чудо!!! Игра случая!!! Оказалось, что ни одного конверта с фамилиями претендентов на должность главы, зама или секретаря избирательной комиссии от «УДАРА», «Свободы» и «Батькивщины» из барабана извлечено не было.

Фортуна отдала предпочтение почему-то только Пар-

тии регионов, партии «Женщины за будущее», КПУ, некой Молодежной партии, и что особо удивило – девять раз богиня удачи улыбалась какой-то Морской партии. (Ну, как же: Ирпень, Боярка и Вишневый – это же города-корабелы, где упираются в небо мачты, где утро встречают гудки пароходов и океанических лайнеров.)

Мы проиграли те выборы во многом из-за того, что не сумели создать нужного информационного фона. Проиграли из-за нехватки журналистов и наблюдателей.

В 2013 году я не хотел повторять ошибки 2012-го. Потому в Обухове высадился небольшой десант из «движевых» с журналистскими корочками. Но десанту нужна поддержка мускулов.

День выборов начался для меня в ночь с 14 на 15 декабря.
15.12.2013. 00.13

– Четыре утра. Под развязкой на Выдубичах. Наберешь Эдика. Возьмешь пятьдесят титушек и три десятника.

Этимология неологизма «титушка» известна большей части украинцев. Для меньшей – напоминаю. В городе Белой Церкви жил-поживал молодой спортсмен-боксер Вадик Титушко. В один прекрасный день в бойцовский клуб, где Вадик колотил грушу, заглянул солидный человек и сделал заманчивое предложение.

– На хрена тебе, Вадюня, боксерские груши околачивать? Тренироваться можно и на вполне живых людях.

– Так за это ведь можно «а-та-та» получить по попе или

в кутузку угодить.

– Насчет кутузки – можешь совсем не беспокоиться. Милиция у нас с народом. А по поводу «а-та-та» – расслабься. Твои клиенты – журналистишки всякие, активистишки – народ дошлый. Работать будешь в Киеве. И стипендия спортивная наклеывается очень даже приличная.

– Ну, так я согласный... Когда выезжать?

В ходе одного из мероприятий молодой спортсмен Титушко помял журналистку 5 канала и при этом (по глупости) выкрикнул в камеру свою фамилию. Она тут же стала нарицательной...

Для чего нужны титушки власти – понятно. А вот к чему головорезы Радикальной партии? А для того, чтобы защитить своих наблюдателей и журналистов от других титушек. Дело не в боязни отхватить тумачков – такое случается нечасто. Но пытливого журналиста или дотошного наблюдателя могут просто закрыть в туалете, случайно облить какой-то дрянью или внаглую оттеснить от стола, где проводится подсчет бюллетеней.

Вернусь к ирпенским воспоминаниям.

В 2012 году в день выборов нашим наблюдателям с помощью титушек удалось заблокировать автобусы с карусельщиками и разогнать несколько точек скупки голосов. После подсчета голосов на участках кортеж наших машин не позволил провести замену урн по дороге к территориальному избиркому. Оставалось проконтролировать сведение ре-

зультатов непосредственно в ТВК.

28.10.2012. 20.10

– Марк, тут пи...дец. Звони Косте, пусть где хочет, а найдет еще две сотни людей. Сам снимай охрану с офиса и сюда.

Здание Ирпенского дворца культуры окружено тройными кордонами милиции. Внутри кольца – человек двести спортсменов. Ребята очень серьезные. Наши титуханы узнают среди них чемпионов по пентатлону, муай-таю, боям без правил. Нас, вместе со «Свободой» и «Батькивщиной» – не больше полутора сотен.

Подумать только: в каком-то Ирпене собираются воевать за бюллетени около пятисот человек! В летописные времена княжеские дружины были куда меньше. Пытаемся взять милицию «на голос». Но менты стоят как вкопанные, не представляются, на вопросы не отвечают, бейджики международных наблюдателей им глубоко до фени. Пробуем продавить стену. Как бы не так! До мордобоя не доходит, но милицейский строй могучими плечами подпирают титухи.

Отступаем в близлежащую рощицу и дожидаемся подкрепления. Подходят еще полсотни крепких ребят. Дальше случается то, чего я никогда не видел. (Неудивительно. Мое оружие – компьютер и телекамера. Я впервые в поле.) Спортсмены выстраиваются клином, точь в точь, как псырыцари на Чудском озере. Впереди – самые мощные и тя-

желье: штангисты, регбисты, боксеры. В середине – юристы, журналисты и наблюдатели. По команде клин срывается и с диким криком несется вперед. Перепуганные менты расступаются. Титушки не успевают перегруппироваться. Нам удалось пробиться в здание. Юристы тут же бросились к столам со стопками бюллетеней и, взывая к объективам телекамер, пошли озвучивать претензии и требовать пересчета. Если бы нанятые качки не поддержали наш отчаянный бросок – Петр Владимирович Мельник наверняка бы праздновал победу.

Правда, нашей команде тоже не достался лавровый венок. Серебряных медалей на выборах не вручают. А депутатский мандат получил кандидат от команды Юлии Владимировны и Арсения Петровича. Войдя в парламент, он тут же отказался от своей партии и вошел в президентское большинство. (Но это уже совсем другая история.)

15 декабря 2013 года в пять часов утра я стою один-одинешенек под шоссейной развязкой у метро «Выдубичи». В карманах – несколько пачек гривен. В холодной, как лед, руке – телефон. Смс-инструкция: «Жди и не сцы». Вскоре в отсветах автомобильных фар проявляются фигуры крепких хлопцев. Их человек пять. Хорошенькое себе «не сцы»! Деньги в кармане немаленькие. Сливаюсь с темнотой. В течение ближайших десяти минут на небольшой пятачок под мостом съезжается десятка три джипов и микроавтобусов. Из них выгружается больше трех сотен человек. Так вот он

какой, самый большой рынок титушек в Украине.

Вибрирует телефон. Незнакомый голос направляет перетрухавшего покупателя к джипу «чероки». Нужно спросить какого-то Рудика. Едва сдерживая дрожь, подхожу, спрашиваю. Неприветливый здоровенный детина подводит меня к еще более здоровому и неприветливому. Стараюсь не трястись. Говорю, что нужен народ спокойный, с документами и ксивами журналистов. (Блин, их ни хрена не удивляют мои требования.) В руках мелькают удостоверения от «Сегодня», «Фактов», «Комсомолки», «Коммерсанта» и вплоть до газет объявлений и «Нежинского садового». Разная такса на удостоверения, разная такса на людей: от шестисот гривен и до двух тысяч.

Самые дорогие – высокие здоровяки. Дело не в умении драться. Здоровяков используют при подсчете бюллетеней. Те под видом журналистов, контролирующих честность выборов, обступают столы комиссии. За такой живой изгородью можно незаметно перебросить пару десятков бюллетеней из одной стопки в другую.

Денег хватает на пятьдесят человек. Вызываю автобус, грузу живой товар, везу в Обухов. Хлопцам не слишком нравится, что их купили оппозиционеры. Работать на власть приятнее. Не в цене дело, тариф – фиксированный. Но при власти хлопот меньше. Делаю вид, что не замечаю косых взглядов. Мне с ними еще сутки работать, а быть может, и дольше (бывает, три-четыре дня, а то и неделю).

Товар доставлен в бильярдный клуб, где располагается наш полевой штаб. Чего у титушек не отнять – дисциплины. Стоят, как зайчики, разбившись на десятки с десятником во главе. Ну что, шеф, руководи!!! (Блин, а приказывать нечего. Краснею как рак.)

За день до выборов штабом был принят четкий план: создать десять мобильных групп. Мобильная группа принимает под контроль десять избирательных участков – это шесть-восемь сел либо городской район. Каждая группа должна насчитывать пять-шесть титушек, журналиста с камерой, наблюдателя и водителя микроавтобуса. Если намечается крупная потасовка – несколько групп объединяются. План прекрасен. Я гордился планом. Но утром оказалось, что у нас есть титушки, но нет средств передвижения.

Почти все машины забрал Андрюха в Васильков, он же отнял журналистов и «движевых». На моем попечении остались пятьдесят здоровых лбов, один раздолбанный «Жигуль» и еще три человека – Лисица, ее мама, Танечка Близнюк (сказочной души человек) да еще какое-то создание, на которое я тогда не обратил никакого внимания.

А старший титушка все пытается: «Чего нам делать, шеф, командуйте».

– Б..я, команда моя будет такая: отдыхайте пока, можете поиграть в бильярд, жратву закажут чуть позже.

Титушки охренели. Они попали в рай. Если бы я позволил им выразить свои чувства, то здоровенные кривоносые

мужики начали бы подбрасывать под потолок свои шапочки и кричать: «Премудрому и преславному Марку Викторовичу гип-гип ура!!!»

Больше часа самого ценного дня (дня выборов, прошу заметить) я потратил на то, чтобы забрать у Андрюхи хотя бы один бусик. Из десяти титушек формирую мобильную группу. (Бедняги, как они завидуют тем товарищам, что остались в штабе – с обедами, кофе и бильярдом.) Нужен только журналист с камерой.

На хрена мне понадобился этот журналист с камерой? Обошелся бы сам. А она б осталась в теплом штабе вывешивать новости в Интернете да принимать звонки. И не было б походов в кино, бассейн и зоопарк. Ночи бы оставались ночами, а дни днями. И летел бы я в счастливый Таиланд не с ней, а с хмельными друзьями, и уже в первый день мы, пьяные и веселые, вломились бы в какой-нибудь бордель. И не было бы отчаянной злости, ведь злиться было бы не на кого.

* * *

*Нырря в озеро любви, страшно не утонуть, а
вынырнуть в сортире.*

*Из книги «Наставления августейшему наследнику» короля
Пхумипона Адульядета Рамы-9*

На грозный рык: «Б...я, кто тут журналист?» – из группы штабистов откликнулось какое-то странное, детского ви-

да создание. Долговязое, безбровое, в грязно-розовом пуховичке. Мне почему-то показалось, что у этого переростка на голове вязаная шапка с длинными ушами и огромным балабоном (потом выяснилось, что шапок она вовсе не носит, а за головной убор была принята рыжая копна волос). Да и не приглядывался я к ней вовсе, скользнул взглядом – и только. Даже имени не расслышал. Показалось – Ира. На Иру откликается...

Мы сразу же выезжаем по одному из адресов. Кто-то позвонил, сказал, что под участком множество титушек. Прибываем на место.

– Снимай, что бы ни случилось, а потом беги в машину.

Прямо под участком тусуется человек двадцать парней спортивного вида. Я выхожу из машины с мегафоном и с ходу начинаю говорить, чеканя каждое слово, время от времени обращаясь к камере:

– Вы являетесь свидетелями прямого нарушения выборного законодательства. Около избирательного участка по адресу Дорошенко, 36 наблюдается подозрительное скопление молодых людей в спортивной одежде.

Вклиниваюсь в группу титушек, требуя представиться. Спортсмены ведут себя довольно робко, молчат, прячут лица и заслоняют номера машин. Десяток титуханов, что приехали со мной, чувствуют себя неловко. Судя по кивкам, они дружны с конкурирующей командой и явно не хотят конфликта.

Меня кто-то аккуратно похлопывает по плечу. Это тот самый Рудик, с которым я встречался под мостом на Выдубичах.

– Все-все-все, Марк Викторович, мы уезжаем.

– Давай так, Рудик: где появляюсь я – вы сразу исчезаете.

Титушки убрались, и в течение дня бригадир честно исполнял договоренность.

Утро прекрасно. Морозное, солнечное, дарящее чудесные ожидания. Олег еще более прекрасен. Он носится по Обухову в сопровождении целой кавалькады из десятка машин. Какого черта? Да разделитесь вы и прочесывайте участок за участком! Но нашим партийцам, съехавшимся со всей Украины, хочется быть сопричастным лидеру. Рядом с ним – круто. Андреналиновый выброс сделал его сверхэнергичным, и эта энергия заряжает весь эскорт.

15.12.2013. 09.12

– Терміново на Каштанову 14 до Олега.

Зачем мне туда ехать? У вас там куча народа. Но если лидер требует... Ждем на Каштановую. Наши заблокировали две машины у избирательного участка. В салоне внаглую торговали бюллетенями. А теперь заперлись изнутри и прямо на сидушках жгут бумаги. Извлечь карусельщиков из машины невозможно. Подобное действие может быть квалифицировано как разбойное нападение. Ждем представителей официальной власти. Двадцать минут ждем. Тридцать.

Появляется Олег. За ним, горько понутив головы, бре-

дут двое растерянных патрульных. Чтобы не идти на вызов, горемыки в собственном отделении милиции спрятались от Ляшко в кладовке, но были извлечены чуть ли не за ухом.

Не люблю ментов, однако в эти дни людям в погонах можно искренне посочувствовать. С одной стороны, начальство требует: «Не реагировать», а с другой – по отделению бегаёт страшный человек с депутатской корочкой и включенной камерой и требует исполнения «закона о выборах»!

Из щелей «Волги» валит дым горящих бюллетеней, но запершиеся в салоне презирают смерть и не открывают дверей, ругаясь, словно старообрядцы, что из пылающих срубов слали проклятия патриарху Никону. Олег трехэтажным матом требует вскрыть машину и немедленно спасти людей. Смотреть на ругающегося Олега можно много дольше, чем на огонь, воду и людей, делающих твою работу. В голове тут же всплывают строки из пушкинской «Полтавы»:

*Выходит Петр. Его глаза
Сияют. Лик его ужасен.
Движенья быстры. Он прекрасен,
Он весь, как Божия гроза...*

Жаль, что не могу дождаться развязки, так как получаю смс-ку от очередного респондента.

15.12.2013. 09.42

– Киевская 76. Тетка в белом пуховике предлагает заполнить бюллетени.

Прыгаем в бусик и выезжаем на точку. Та, что сегодня терзает мое сердце в клочки, безропотно таскается за Марком Викторовичем в поисках загадочной тетки. Многолюдно. Солнышко чуть растопило ледяную крошку, и приходится шлепать по слякоти. Еще и ветерок сырой поднялся. Она не жалуется. Да и не слушал бы я жалоб. В этот день для меня не существует ни женщин, ни детей. Блин, опять промах. Мы выслеживаем уже третью бабу в белой пуховой куртке, и ни хрена.

– Все, Ира... пора валить...

– Хорошо.

Кто ты, покорно шлепающая за мной девушка в смешных ботинках? Я не знал, что к журналистике это безликое существо никакого отношения не имеет. Ее появление в Обухове в день выборов оказалось делом слепого случая. (Неожиданная встреча с давней подругой Лисицей, предложение прошвырнуться в Обухов да заработать по двести гривен за посиделки в штабе, плюс кормежка на шару.) И тут появляюсь я с отборным матом и бешенством в серо-голубых глазах. Хитрая Лиса, чтобы самой не переться на мороз, сунула ей в руки камеру и, нашептывая на ухо инструкции по пользованию аппаратом, вытолкнула вперед. (Как потом оказалось, она не боялась драки, милиции, титушек, а трепетала при мысли о том, что камера методом научного тыка не включится, что на нее накричит этот красномордый тиран – то бишь я, назовет растяпой или еще хуже.)

Только ближе к обеду соображаю, что семенящий за мной человек – все-таки человек и хочет, наверное, кушать и в туалет. Заходим в какой-то генделик. (Несмотря на затурканность и отсутствие интереса к «объекту» – джентльмен остается джентльменом.) Помогаю снять китайский стеганый кокон, и оказывается, что под ним скрываются длиннейшие ноги, а под свитерком круглится приличная грудь (иллюзия). Нет, она меня не заинтересовала. В голове на тот момент намешалось слишком многое: звонки, цифры, предчувствия. Я увидел в ней женщину только глубокой ночью, после объезда закрывающихся избирательных участков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.